

МЛЕЧНЫЕ МУКИ

Рассказы о вечном и млечном

АНТОН ЛОСЕВСКИЙ

2013

16+

АНТОН ЛОСЕВСКИЙ
Млечные муки

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Лосевский А. П.

Млечные муки / А. П. Лосевский — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Рассказы о вечном и млечном: сборник рассказов, написанных в период 2009-2012, отражающих субъективную реальность и некоторые приметы времени.

© Лосевский А. П., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Часть осенняя	5
Бурная ночь	5
Типовые трудовни	8
Бессонница	12
Физик и Метафизик	16
Фабула Форума	22
Вопросы на засыпку	28
С.О.Н.М.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть осенняя

Бурная ночь

Но и это еще не все. Никита бродил по послерабочему городу, пятничному, бурлящему в преддверии выходных, которые каждый заполнит по-своему, кто во что горазд. Но он решил повременить с отъездом домой, в частокор спального района, лишеной всякой солидности и стройности. Да никто там особо и не ждет. А пробиваться в подземку, как и четыре предыдущих вечера к ряду, отчего-то совсем не хотелось. Хотелось прогуляться по старому вечернему городу, по главному из проспектов, тому самому... Заглянуть в прилегающие переулки и закоулки – что новенького? Хотелось быть в центре если не внимания и событий, то хотя бы и города. Слиться с ним воедино, став составной, а то и неотъемлемой частью, прощупать пульс, убедившись, что старый город еще дышит: живой. И если это удастся в какой-либо мере, остаться в нем до утра, дабы плутать, рыскать, шнырять. Может быть даже, если все получится, слегка ликовать. Застать восход солнца на одной из площадей, чтобы лично поприветствовать наступающую субботу – погожую и бездельную, лишь бы не констатировать ее уныло, как повелось, в постылой постели, как свершившийся факт.

Но чем серьезнее вечерело, тем больше на центральный проспект вываливало народов, разных: пестрых, шустрых, языкастых. Русский язык то и дело глож в накатывающих волнами потоках немецких и итальянских прогулочных групп. Становилось очевидным, что уединиться со старым городом сегодня будет весьма затруднительно, но и дома-то по-прежнему никто особо не ждет... Да и будни поддоставали еще на буднях.

Шумно и гулко.

Запрудились в пробку машинки, готовые с минуты на минутку сорваться, томящиеся в ожидании зеленого. Зеленый настал, но какой-то маршруточный чудак перекрыл собой всю перспективу в невыразительной попытке свернуть справа налево сквозь все ряды, тем самым провоцируя остальных участников движения на звонкое бибиканье. Как знать, может быть тот чудак просто дал остальным отличную возможность остановиться: кому потупить, а кому и подумать, но так и не нашел понимания среди всех. Ведь если трактовать жизнь как движение, то изворотливый заезжий гастролер определенно мешал всем жить.

На пересечении проспектов сосредоточились раскованные девицы: блатные блондинки, шалавистые шатенки, бульварные брюнетки, кого тут только не стояло... Причиной тому послужил приезд продвинутых продюсеров, привезших модный столичный поп-дуэт, намеревавшийся дать вечером грандиозное выступление. Эти артисты, впадая на своих представлениях в образ романтиков, обычно подолгу распевают о любви, сокровенной и созерцательной, за что в награду имеют изрядный гонорар и свежих цыпочек в закулисьях гримерных. Хотя в атмосфере и витало, что девахи, толпящиеся в ожидании открытия клуба, пришли сюда вовсе не в поисках сокровенного... По правде, едва ли они были наделены качеством испытывать что-то подобное.

Никита меж тем продолжал свой променад по проспекту, уже не слишком останавливаясь и попутно предаваясь размышлениям о спирали падения морали среди сограждан. Когда он сделал остановку, дабы полюбоваться изгибом реки, на мосту уже тусили юноши последней генерации. Если бы в сленг юношей время от времени не просачивались общепонятные русские слова, то их вполне можно было бы принять за американских тинейджеров-туристов, по какому-то недоразумению оставленных без попечения взрослых и столь безответственно предоставленных самим себе. Небрежно приспущенные штаны, баскетбольные футболки, рябые бейсболки набекрень – образы, под кальку снятые из молодежного журнала

«Приспешник». Бедность доносящегося с их стороны слога заставили Никиту покинуть смотровую площадку досрочно. О любовании изгибом реки в обстановке нарастающего идиотизма не могло быть и речи.

Тогда он забрел под арку, желая насладиться умеренной тишиной: приглушенным шумом. Но и там кто-то шаркал. Вернее сказать, извлекал звуки, производя специальное исследование. Когда глаза поосвоились во тьме, Никита распознал в производителях шума полицейских, методично и по всем правилам своего ремесла, лупивших какого-то бродягу. Не без известной, справедливости ради, брезгливости. Насколько можно было установить из обрывков диалога, правоохранители наказывали бедолагу за то, что тот имел неосторожность объявиться на центральном проспекте, своим видом смущая достопочтенных туристов из варварских стран, враждебным поясом окружавших Отчизну. Тогда как у тех, должно быть, только-только начинали рушиться многолетние стереотипы и заблуждения по отношению к России-матушке. И вот в этот переломный момент вырубивает, понимаешь, наш нищелюб, совершенно здесь ненужный в отражении витрин... Тем самым, к тому же, нарушая негласную договоренность между полицией и профессиональными нищими о территориальных сферах влияния и воняния.

Те заприголубили. Заприметили Никиту. Пока Хороший вроде бы склонялся к тому, чтобы не применять к Никите карательных санкций, Плохой, очевидно, был не столь хорош, уже оформляя движение к новому клиенту, но убедившись, что тот и сам почел за лучшее ретироваться, не желая угодить под раздачу слонов, лишь лениво махнул рукой во след.

Вечер заиграл новыми рекламными красками и огнями, предлагающими решительно все, что еще не успели купить или продать. Никита тем временем добрал до следующего знаменитого пересечения углов. Здесь и днем частенько царит балаган на грани бедлама. А уж той вечерней пятницей откровенно назревала драка. Две развеселые компании развязывали конфликт, размахивая травматическими пестиками и покрывая друг друга последними, судя по градусу дискуссии, словами. Выясняя, кто же из них более достоин чести занять единственную на перекрестке скамью. Победители, при благоприятном исходе, могли посидеть. В том смысле, что попить пива сидя. Японские туристы, пугливо прижимаясь к стенам, спешно забегали вглубь отеля, не забывая, однако, делать памятные кадры фирменным фотоаппаратом. Швейцар довольно равнодушно наблюдал за происходящим. Возможно потому, что уж ему-то посидеть в эту ночь, ясно, не светило. А вот посидеть – тут были все возможности.

Никита не стал дожидаться последних новостей из мира гоп-культуры. Отчасти из соображений личной безопасности, отчасти из-за уже принятого решения ехать домой. Домой, домой – в спальный район. Чтобы поспать, переспать, проспять – это уж как получится, детали. Но вариться в этом кипящем котле суеты-муеты становилось попросту неконцептуальным. Тайнство восхода солнца наверняка будет порушено чьими-нибудь пьяными возгласами и дикими криками. Площадь вот-вот станет открытым баром и дискотекой, прерываемой сиренами полицейских, пожарных и прочих спасателей... Решение принято – домой. Смущало лишь то, что ближайшее метро находилось еще через квартал и уже тяготело к закрытию, а денег и времени на попытку поймать попутку больше не оставалось. Словом, не оставалось ничего, кроме как включить бег.

Но вот незадача – и бег не помог, не поспел. Дама в характерной оранжевой безрукавке уже стояла на страже в подземное царство и отгоняла страждущих тряпкой. Отшучивалась, щедро читая морали и приколы, но отгоняла твердо – поставленным движением кисти. Прежде чем захлопнулись заветные двери, она выдала примиряющий совет о том, что уже через пяток часов метро вновь будет в силе и вберет в себя всех желающих, а пока – погуляйте.

Стало прохладно. И понятно, что предстоит привидением скитаться всю ночь среди разных всяких живых: среди антикваров и антиподов, банкиров и банкротов, воров и воротил, грузчиков и грузин, дворников и дворян, европейцев и евразийцев, живописцев и живоделов,

забулдыг и забияк, иноверцев и инопланетян, карьеристов и каратистов, лесников и лесбиянок, маркетологов и марксистов, налоговиков и налетчиков, охотников и охранников, политологов и полиглотов, ревизоров и резидентов, совладельцев и современников, таксистов и токсикоманов, утопистов и утопленников, футболистов и футуристов, халдеев и халявщиков, целителей и ценителей, чревоугодников и чревовещателей, шантажистов и шахматистов, щеголей и щеголов, экскаваторщиков и экспрессионистов, юристов и юмористов, язвенников и язычников; среди аморальных и аморфных, богатых и богоизбранных, внедренных и внебрачных, горемычных и гармоничных, демоничных и демократичных, единокдушных и единоличных, желанных и жеманных, заботливых и заболевших, inferнальных и инфантильных, креативных и крепостных, лицемерных и лицензионных, местных и местечковых, неверующих и невероятных, отставных и отстойных, придирчивых и придуривающихся, раненых и ранимых, сильных и сильнозависимых, трезвых и тревожных, уморительных и умозрительных, фанатичных и фантастичных, хилых и хитрых, циничных и циклических, чумовых и чумазах, шагающих и шатающихся, щекотливых и щетинистых, экзотичных и экзальтированных, юлящих и юрких, ядреных и ядовитых; среди авторитетных автолюбителей и безмозглых безумцев, великовозрастных валютчиков и гигантских гимнастов, двоюродных двойников и ерепенистых еретиков, жалких жуликов и знатных знахарей, импульсивных империалистов и кичливых карикатуристов, ленивых лодырей и мечтательных мучеников, наивных наперсточников и обманчивых обитателей, перспективных параноиков и редкостных реалистов, самобытных сапожников и трагичных театралов, угрюмых угнетателей и фундаментальных фармацевтов, хороших холопов и цепких цензоров, шутливых шаманов и щербатых шелкоперов; среди эксклюзивных эксплуататоров, юридичных ювелиров, да ясновидящих ямщиков... И среди тех, кто тоже не успел на метро.

На горизонте замаячила бурная ночь.

Типовые трудодни

На работу Никита подтянулся с заметным опозданием. Без особых на то оснований, просто не спешил. Для пунктуального прихода через изнуряющую спешку причин как-то не находилось. За опоздание полагалось разве что легкое порицание, в худшем случае – неопасный нагоняй. Никто не желал лишаться ценных кадров, хотя в чем именно заключалась эта ценность, зачастую оставалось загадкой и для самих наемников. Времени и желания поразмышлять над этим отчего-то и не возникало.

Но такой уж оформилась структура рынка труда: офисы под завязку набивались менеджерами и пиарщиками, маркетологами и креативщиками, имиджмейкерами и продавчиками, как некогда кишели рабочими БАМ или Магнитка. Те же, что и при новом строе устроились строителями и столярами – вместо почестей и песен в свой адрес подпадали под подозрение и почитались в обществе за маргиналов, хотя и производили реальную работу, да, кстати, и зарабатывали частенько существенно больше. Зато офисные пчелы имели дело, шутка ли сказать, с компьютерами и принтерами, факсами и флешками, сканерами и браузерами, без устали впаривая друг другу качественные продукты и популярные товары с сумасшедшими скидками. Удовольствия эти процессы доставляли мало, но ощущение некой причастности к мировому прогрессу, с претензией на превосходство над темными обывательскими массами, несколько скрашивали дискомфорт от щемящей бессмысленности происходящего день за днем, за исключением выходных. Впрочем, за исключением ли?

Сама работа осуществлялась где-то на стыке реальности и виртуальности: составление и подгонка всякого рода отчетов и графиков, диаграмм и таблиц, наглядно фиксировавших очевидное и невероятное улучшение успехов, знаменовавших собой продолжение классического движения от меньшего к большему, от худшего к лучшему. Жизнь в этих графиках становилась все беззаботней и веселей. И действительно становилась, но в основном, конечно, для тех, кто держал и грел руку на пульсе явлений. Справедливости ради, подмена подлинных показателей убаюкивающей статистикой давно стала общим местом в той поднебесной России. Статистика успешно одолевала и бедность, и пьянство, повышала качество жизни и смерти, не оставляла ни малейших шансов бюрократии и коррупции. Статистика умело сводила весь катастрофический комплекс проблем до масштабов временных трудностей и досадных пережитков прошлого. Рапортовали, что есть, дескать, еще кое-где некоторые проблемы и отдельные сложности, но в целом-то уже и сегодня все ого-го! А скоро настанет совсем.

Некогда фирма, где ныне трудяжничал Никита, болталась в середине турнирной таблицы и особых звезд с неба не хватало. Но после того как тесть одного из учредителей прикинулся депутатом, став им, дела приободрились и неожиданно пошли в гору. Компания начала регулярно получать государственные заказы на оказание услуг для слуг народа и их поклонников, а учредители зажили принципиально иначе – припеваючи. Воодушевленные победами боссы взяли в аренду целый этаж офисного эпицентра и существенно расширили под новый статус штат своих трудяг. Никита еще по весне явился к ним на собеседование в шуршащих шортах и с недельной небритостью на лицевой стороне головы, и был весьма удивлен тем обстоятельством, что приняли его на работу как-то сразу, без малейших колебаний и сотрясаний воздуха вопросами. С тех пор он числился менеджером по перепродажам, то есть изредка продавал что-нибудь особо настырным клиентам, спешившим отчитаться своим покровителям, что заказали целый пакет услуг у правильной фирмы, то есть свои контракты исполняют конкретно.

У ресепшна сонно сновал охранник Геннадий – крепкий малый с мягким рукопожатием, почти бессменно мелькающий у входа, служившего одновременно и выходом. Старожил Геннадий, кажется, был сполна доволен службой и судьбой, давно подыскав свое место в жизни. В свой выходной он смотрел футбол и пил пиво. А все свободное от хлопот отдыха время он

бдительно старался не пропускать чужих, но запускать своих – тех, которые с пропусками – и пресекал коварные набеги торговых кочевников. Никита был из своих, а потому Геннадий, лишь завидев знакомого, считай, старинного друга, спешил поделиться с ним своими наблюдениями и впечатлениями по жизни – от последнего футбола до вкусовых особенностей новой марки пива. В этом весь Геннадий.

По офису легко порхали нарядные бабочки – девушки всех возрастов и возможностей. И зачастую складывалось ощущение, что большинство из них рассчитывает устроить жизнь не столько посредством трудовых свершений и достижений, сколько через потенциальный шанс пригласиться кому-либо из холостых учредителей, изредка посещавших офисное гнездо, чтобы решать вопросы и раздавать ответы. Мальчишек в офисе водилось все же поменьше. Однако в офисных джунглях находили уют самые разные формы жизни: встречались и кошки, и мухи, и пауки. И даже невидимые обыденному глазу жучки. Никита общался в основном с людьми. Преимущественно с теми из них, кто не относился всерьез к царящей кругом корпоративной кутерьме. И для кого занять когда-нибудь место начальника отдела не являлось высшей формой самореализации и мечтой детства. К счастью, процент адекватных ребят и девчат все же не опускался ниже допустимого, что внушало робкую надежду на то, что Россия еще воспрянет ото сна. Шутка.

Вменяемых людей, по-видимому, отличал несколько философический подход к похождениям на работу. Работа даже на работе не перерастала в заботу, оставаясь на задворках сознания. Ведь не атомную станцию строим, не людей живых лечим... Так чего и кого ради надирать животы, когда пилеж государственных средств осуществлялся в высших кабинетах, куда простым бессмертным вход заказан. Конечно, кое-какие осадки в виде серых зарплат выпадали и менеджерам, и прочим участникам марафона, но прямой зависимости между вкладом в дело и оплатой труда отчего-то так и не сложилось. Больно уж многим врезался в память пример менеджера Севы Невинного, притащившего конторе контракт на миллион и запросившего свои 10 % от сделки, как в договоре написано, но в итоге лишь бесславно уволенного по разгромной статье, да так и не получившего законных процентов от сделки. То и другим была наука и намек. Мол, не надо брать на себя слишком уж много одеяла. У нас тут как бы демократия, конечно, а все же суверенная и управляемая, причем в ручном режиме.

Сбросив рюкзачок в менеджерской кабинке, Никита отправился в курилку. И вовсе не затем чтобы покурить, а для того только, чтобы узнать там последние новости из мира. А также слухи, сплетни, домыслы, догадки, теории и теоремы, анекдоты и афоризмы, байки и приколы... Деловитые переговоры в курилке всегда считались немного моветоном и вызовом. В клубах сизого дыма витала атмосфера веселья и инакомыслия. Здесь было попросту занятнее, чем в кабинете. И потому половина офиса половину времени проводила именно тут. Хотя и некурящие специалисты сбивались в коридоре в очереди за водой возле кулера, где вели схожие светские беседы. Работа ж не волк. И даже не вол.

Вернувшись в кабинет, Никита завел компьютер, нацепив на себя маску сосредоточенности и солидности, сделав вид, что готовится к планерке, намеченной на полдень. На самом деле он проверял почту, включал аську и открывал новостную ленту одновременно. Начальницы на месте еще не было, поэтому возникал и даже как-то напрашивался вариант провести время последовательно и конструктивно, без всяких зевотных заданий и занудств. Остальные менеджеры, судя по застывшим выражениям масок, аналогично презрев свой долг, всецело предавались развлечениям.

Тут в кабинет, неимоверно несвоевременно и неожиданно, нагрянула начальница, строго окинув взором непокорных подчиненных. Бывали славные деньки, когда она и вовсе не появлялась в офисе – заболела ли, прозаседавшись на совещаниях ли, отправившись ссылкой в командировку. И весть о том, что «сегодня ее не будет»... неизменно имела большой успех, вызывая неподдельный душевный подъем среди менеджеров. Ликование по размахам было вполне

сопоставимо с радостью школьников, узнавших за считанные минуты до непредсказуемой контрольной, что училка заболела, что контрольной не будет, что можно на сегодня все забыть и стремглав мчать домой, игнорируя все правила приличия и хорошего тона, тщетно прививаемые родителями и школой...

Но сегодня она была. И сегодня – не в тему, как никогда... Именно в тот осенний день по интернету гуляла лукавая ссылка, при открытии которой на весь экран всплывала развязка из какого-то порнотриллера. И закрыть это дело было никак. Разве что перезагрузив компьютер ударом отчаяния по системному блоку... Можно живо вообразить сколь нелепо смотрелся Никита, лихорадочно набивающий спасительные комбинации на клавиатуре, параллельно пытаясь прикрыть монитор всем корпусом. Но все напрасно: начальница, удивленная увиденным, то ли на экране, то ли на смущенном и как бы извиняющемся Никитином лице, вытаращила глаза, наморщив лоб, и поспешила проследовать в свой личный кабинет, не уронив ни слова, как будто бы ничуть и не взволновавшись.

Временной отрезок до планерки был безнадежно подпорчен. Никите оставалось лишь предаваться размышлениям: будет ли против него принят карательный поход милицией нравов во главе со старейшинами корпоративной этики. Одно дело – опаздывать на скучную рабочую рутину и аккуратно бездельничать, и совсем другое – шастать по клубничным сайтам, да еще и прямо с утра, в чем его, безусловно, и заподозрила начальница отдела. Да, утратить эту рабочую рутину, если что, не великая беда, а скорее и избавление, но ведь на несколько месяцев вперед уже запланирован вполне конкретный комплекс мероприятий и телодвижений, а внезапное увольнение и денежная яма могли бы поставить под угрозу их осуществимость. Тут было о чем подумать.

Планерка протекала в привычном ключе – в режиме закручивания гаек. Начальница пламенно ораторствовала, прибегая к сравнениям, повышению голоса и нейролингвистическому программированию в своем представлении. Пытаясь убедить нерадивых подчиненных, что тем необыкновенно повезло в нынешнем воплощении, ведь именно им привелось трудиться в такой динамично развивающейся и конкурентоспособной конторе. Менеджеры молча внимали ее речам, скучливо сдерживая подступающую зевоту и дожидаясь окончания процедуры. Кульминационный момент планерки случался обычно во второй половине заседания, когда началка переходила от пафосных лозунгов и тезисов к вопросам к собравшимся. Вопросы, по сложившейся традиции, были исключительно каверзные: что сделано за отчетную неделю, какие планы на текущую и будущую, когда переведет деньги тот или иной неторопливый клиент, и главное – почему точно такие же ответы менеджер выдавал еще на прошлой неделе. Вообще-то многие привыкли заниматься на планерке личными делами, отвлекаясь от них, когда уже стартовала вопросительная часть, а вопросы адресовались непосредственно им. Тот же Никита в такие минуты завел привычку впадать в сочинительство, давая волю фантазии и воображению.

*Затаился зайцем в ложбине офисных лесов,
пытаясь бежать от волков,
но кто я таков?
Вывраться птицей бы из затхлой и офисной клетки,
стать свободным, как дети,
но нет еще шести...*

Такие мотивы сейчас занимали Никиту. С тревогой в сердце выжидал он разоблачения. Но его не последовало, да и вопросов к нему в тот день отчего-то не возникло, что было нелогично, учитывая запущенное состояние дел по ряду клиентов. Отсутствие вопросов несколько настораживало Никиту, но и печалиться было некогда, ведь сразу за планеркой планировался

обед – в виде обеденного времени. Большая часть офиса стекалась в столовую, где баба Люба бойко сбывала свой съестной продукт как горячие пирожки. Собственно, это и были по большей части горячие пирожки. Никита со своими коллегами по офису и одновременно однорайонниками, Димасом и Денисом, каждый по своим причинам предпочитали не обедать у бабы Любы. Кто-то по завершении такого обеда потом весь вечер болел животом, обливаясь потом и упиваясь активированным углем, кто-то обнаруживал у себя во рту вместо тонкого послевкусия обломок застарелого ногтя, а кто-то просто был сноб.

Обед был откушан в другом месте, а когда Никита вернулся в прохладу кабинета, его коллеги, кто злорадно, а кто и сочувственно, наперебой сообщили ему, что начальница его ждет и уже давно. В своем таком отдельном от остальных кабинете. Никита понуро поплелся в направлении зловещей долины неприятностей и неизвестностей. Но ожидаемых разборок и полетов не последовало: начальница лишь сухо поведала, что доложила генеральному о возникшей ситуации, что участь Никиты теперь будет решать уже он, самолично, по итогам беседы с глазу на глаз. Беседа состоится тогда, когда тому заблагорассудится, когда ему будет угодно или удобно. А это уже, разумеется, не ее компетенции и ума дело. После чего они бегло обсудили ситуацию по Никитиным клиентам, что можно было счесть за признак примирения, и разошлись по разным углам ринга.

Никите уже доводилось бывать в кабинете у генерального, но не в качестве нашкодившего школяра, а скорее в качестве мальчишка на побегушках, пришедшего заполучить автограф на накладную и счет-фактуру. Рассмотреть кабинет пристально никогда толком не удавалось, но особенно и не хотелось. То был рядовой просторный кабинет, где бросались в глаза известные атрибуты, присущие большинству такого сорта кабинетов. На стене за спиной шефа внимательно висели портреты вождей: действующего и на всякий случай – предыдущего. Неподалеку предсказуемо колыхался стяг правящей партии, подхватываемый ветром из властно полуоткрытого окна. Наличествовали также крепко сделанный стол и весомые стулья, шкаф с разноцветными папками и полкой для подарочных изданий, мини-бар и дорогая на вид ручка, грамоты и сертификаты, благодарности... и прочие приметы и предметы складной жизни...

Во второй серии трудодня Никита не раз наткнулся на генерального – в коридоре, туалете, конференц-зале. Но тот не изрек ни единого слова... и бровью не повел, все время глядя куда-то сквозь или поверх Никиты, если тот вдруг случайно попадал в поле зрения или болтался под ногами. Очевидно, босс был поглощен решением куда более глобальных задач. И дела ему не было до маленького менеджера, винтика и фантика системы. К концу дня стало очевидно, что обойдется. И никакого тяжелого разговора с генеральным не случится. Ни сегодня, ни завтра, никогда. А это значит, что можно продолжать работать на.

Вероятно, именно в тот день в голове Никиты вызрел план провести пятничный вечер иначе, отлично от других дней, тянувшихся однообразно и по-офисному официозно, складывающихся кирпичиками в недели, картинками в месяца, перерастающими в года, становившиеся списанным в архив прошлым, к которому нехотя возвращаешься порой, вспоминая многочисленные препятствия и превратности, щедро дарованные жизнью, видимо, для появления воли и укрепления сознания, а день, что день – единица измерения и только, где вторник – лишь условное название одного из них, волею случая, закрепившееся в языке. И чего стоит этот вторник – обычный, будничнейший, типичнейший: постоянно повторяющийся вторник в ожидании пятницы.

Бессонница

Уже неделю они не спали. Все, никто. Как-то раз разобрались с вечеру по спальням и снятым углам, а сны совсем не шли – ко всем, ни к кому. Даже черный квадрат не снился. Светало. Но никто не сомкнул очей. Поутру пересекались, силились поразить чужое воображение, мол, уж больше суток не сплю, а все на ногах и бодрюсь. Вот я каков: не таков, как, скажем, ты. Из другого теста, знаешь ли, слеплен. Но ожидаемого эффекта на окружающих производить не удавалось, ведь со всеми такое стряслось. Везде и всюду.

И в дневных уже новостных сводках прошла констатация: зафиксирована очередная ненормальная аномалия, но никакого бога, слава богу, все равно нет. Все по-прежнему дозволено. Пускай науке пока и неизвестно... что же, черт возьми, происходит. Телевизионный лекарь доверительно делился с думающей аудиторией своими предположениями и соображениями, уверенно уверяя, что всему виной заурядные вспышки на солнце. И для того чтобы существовать дальше нужно всего-то придерживаться простого правила – никогда не нервничать. То есть избегать всех нервных ситуаций, старательно избегать попросту неприятных ситуаций, а в идеале – избегать любых ситуаций. Никакого алкоголя, интернета, любовных увлечений или развлечений – по умолчанию и определению. Строгое соблюдение рекомендаций – гарантия долгой и счастливой жизни. И вспышки на солнце в таком случае по боку, не заденут.

Стоит ли говорить, что многочисленные ведущие эксперты и всякие крепкие профессионалы возлагали нешуточные надежды на грядущую ночь, но к их глубокому сожалению и она не принесла спрогнозированного покоя, не одарила снами пастухов и президентов, равно как и всех остальных. Но эксперты и профессионалы не теряли убежденности в своей компетентности и научно-полупонятно обосновывали, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, так как так не бывает...

Утренние граждане вместо заводной зарядки и подтягиваний к опохмелочным ларькам стягивались к аптекам, воссоздавая подзабытую культуру очередей. Но снотворное досталось отнюдь не всем, уже к полудню запасы иссякли. Конечно, предприимчивые сетевые аптекари, чутко предчувствуя конъюнктуру рынка и всплеск спроса, пробовали договориться с западными партнерами о поспешных поставках, но те и сами были безутешны: все кончено, взять больше нигде. Постыдно близоруки оказались дельцы снотворных, не просчитав всех сценариев. Вот и утратили возможность подзаработать на всех подряд, о чем теперь горько сокрушались.

Другое дело, что первая же попавшаяся ночь разбила все иллюзии относительно снотворных свойств снотворных. Толком никого не сморило. Не творили снов снотворные зелья, а только лишь отдавались заразительно холостой зевотой и икотой.

Как грибы после дождичка назрели шустрые шарлатаны и самопровозглашенные мессии, шумно голосащие, что их не коснулось и обошло стороной, будто бы и не растеряли они вовсе навыка спать по ночам. Особо дерзко звучали заявления иных из них, в порядке саморекламы твердивших, дескать, в охотку практикуют и дневной сон, послеобеденный – томный и упоительный. Правда, когда подобных шутников помещали в лабораторные условия, чем давали шанс наглядно засвидетельствовать свои сверхспособности, то там-то их быстренько и разоблачали. Приборы неумолимо показывали, что наши герои всего-навсего бесхитростно лежат с закрытыми глазами и делают вид. А отдельные уникамы достоверности ради еще и весьма безыскусно имитировали храп, чем вызывали лишь смех.

Всю неделю они не спали. Все, никто. Пока всевозможные международные организации под эгидой масонского мирового правительства устраивали бесконечные экстренные совещания и заседания, на которых решительно осуждали и обсуждали бессонницу, выставляя ей категорические ультиматумы и требования прекратить, обыкновенные люди, не отягощенные

бременем власти, попросту не знали... куда себя девать, чем еще занять... На бедолаг обрушилась уйма свободного времени, которое нужно было как-то провести – малознакомая прежде проблема. Быстрый, безлимитный, почти бесплатный интернет, ставший настоящим проклятием для работодателей, уже мало кого увлекал. Отныне сидеть в буквальном смысле круглые сутки в социальных сетях представлялось не более разумным, чем добровольно сидеть, скажем, в рыболовных сетях.

Телевидение окончательно сбрендило и перешло на круглосуточное продвижение брендов. Башня вещала отныне бесперебойно: развлекали, не зная устали, попутно, как умеют, попугивая. Всем голубым экраном навалили, зазывая к просмотру наипоследнейших шоу с привлечением сверхновых звезд, откровенно забросивших профильные занятия вроде художественной гимнастики или съемок в видеофильмах, и отныне без остатка отдававших все свое мастерство и многогранные таланты любимому народу, спасительно отуманивая умы и старательно отвлекая от неказистости отечественного бытия. Телезрителя щедро баловали душераздирающими подробностями кровавых расправ и душещипательными подборками лучших разбоев. Все для души! Высочайшим рейтингом и любовью телезрителей пользовались, конечно, прямые включения с мест преступлений, иногда, кстати, еще даже до совершения таковых. Что давало повод всякого рода скептикам и вольнодумцам допускать крамольную мысль, будто телевизионщики, в пылу борьбы за внимание благодарных зрителей, сами же и выступают заказчиками и исполнителями подавляющего большинства преступных деяний и драм. Словом, чего только не придумывалось еще, дабы удержать толпу у ящика и, как следствие, привлечь рекламодателей, богато отстегивающих за такие дела.

«Засилье насилия на центральном и околоцентральном телевидении? Ну что вы... Просто парадигма культурного потребления тематически трансформировалась, а телезрители сами же желают телепортироваться непосредственно в места, где происходит все самое интересное и значимое в общественно-культурном смысле жизни. Мы всего лишь заложники их интересов. А люди чрезвычайно любопытны и сами вольны решать, что в их интересах. А мы – слуги народа и рабы божьи, всего лишь предельно оперативно и объективно обозреваем происходящее. Наша ли вина в том, что происходит в основном плохое? А если вдруг и случается что хорошее, такое пошло-доброе, знаете ли, то все равно оно никому уже неинтересно, как-то это не пользуется зрительской любовью и вниманием. Потребители культуры жаждут знать правду, самую правду жизни, без прикрас... даже если она несколько неаппетитна и неприглядна. И мы даем им настоящую правду, что есть наш журналистский и гражданский долг. А в ногах правды нет, вот потому и вынуждены мы, вопреки своим нравственным нормативам, транслировать бренды и жсопы. Это и есть народная правда, не правда ли? Народ не одурачишь – «мудрость народная» – это слова из гимна какой страны?..».

В таком вот духе отметали телезаправилы критику немногочисленных оппонентов, всяких старорежимных поборников нормальности, которых телебоссы в неофициальной обстановке – в своей башне – полагали просто несостоявшимися бизнесменами, бесславными упырями, бездарно околачивающимися на обочине дороги жизни. Жизни как индустрии удовольствий и удобств.

Но вот что удивительно: распространенными вопреки чаяньям рекламодателей и их трибун становились такие древние развлечения, как ночные прогулки под луной, проведение задушевных бесед, изготовление вкусной, да еще и здоровой пищи по подзабытым рецептам из бабушкиного сундучка... Люди вдруг очнулись и раскусили матрицу газетных уток, телевизи-

онных шуток, дошли до понимания трагичности гламура... Граждане мира, страшно сказать, увлеклись чтением книг! Обычных бумажных книг – вместо их книжных аудио и электронных аналогов и суррогатов. Широкие массы вспоминали и узнавали про категорический императив Канта и пьесы старины Уильяма Шекспира. Особо пытливые чтецы добрались аж до слепца Гомера... Хотя и само существование двух последних у тогдашней науки находилось под подозрением, ведь лично они, ученые люди, с ними знакомств не водили, да и их научные предшественники тоже таких никогда в глаза не видели и исследованию не подвергали. А существование всего неосязаемого, как известно, извечно ставится под сомнение. «Разумеется, – снисходительно отзывались ученые, – остались от тех писателей и кое-какие творения, так называемые шедевры, но мы-то с вами знаем, – уверяли ученые, – что все это народ присочинил, гораздый на выдумку и смачную прибаутку. А что? Земляне – достаточно талантливые организмы».

Короче, человечество фактически уже стояло на пороге масштабной переоценки ценностей. Оно зрело, словно яблоко, готовое обрушиться на голову новому Ньютону, способному написать следующую страницу в истории истории. Человечество, можно сказать, вступало в очередное Возрождение, практически желая уже признать досадным заблуждением путь индустриализации и тотальной модернизации, конечно, производящей компьютерных роботов, скрашивающих скуку быта, но, что тоже научно доказано, несущих в мир лишь тоскливую бездуховность с последующей трагической растерянностью от непонимания сути вещей и цели путей. Человечество, прямо уже скажем, всю собиралось свернуть со стези глобализации, обернувшейся пустынями потребительства, когда не всякий 70-летний мальчишка способен обуздать свои страстишки, чего уж там говорить про более юных сопланетников. А банкиры и политики со своими ручными телебоссами тем временем уже сложили оружие, расписываясь в полной капитуляции, ведь аудитория и электорат бесповоротно вышли из-под контроля и более не желали повиноваться экрану. Человечество стояло на пороге...

Уже месяц они не спали. Все, никто. Никита степенно брел по парку со своим другом Димасом. Или Денисом? С некоторых пор Никита перестал различать своих друзей. Хотя Димас был долговяз, а Денис коренаст. Им составляла компанию прикольная чувиха – воплощенное совершенство. Вскоре выяснилось, что здесь и Димас, и Денис – все в сборе. Просто один из них то и дело куда-то исчезал, выпадал, но неизменно обнаруживался вновь, так мало-различимы были друзья в свете худенькой Луны. Кстати, становилось ясно, что прикольная чувиха и воплощенное совершенство – тоже разные лица, хотя и сестры-близняшки. И если воплощенное совершенство – вся такая волоокая, пышногубая и милосердная, то высокопарная, златокудрая и мимолетная – это уже основные черты прикольной чувихи. Как-то так они и шли: то втроем, то впятером. В среднем – вчетвером. И если есть еще в нас ума, чтобы из четырех извлечь корень, и если таковой возможностью воспользоваться сполна, то останется что? Да, два. Вот и шествовал Никита по парку с кем-то еще. Необратимые изменения произошли с миром живых с тех пор, как отрубили функцию сна...

Где-то рядом, в заманчивой близи, мерно журчал ручеек. Никита все пробовал искать его, уж больно хотелось удалить жажду, утолив ее, замучившую и занудную. Но ручеек настойчиво не поддавался восприятию, упорно не желая выдавать себя или выдавая себя за нечто иное. Это было досадно, но нужно было все-таки жить дольше. Дальше друзья поднялись на верхотуру смотровой площадки, откуда можно было узреть поразительное. Особенно, если умело вертеть шеей, одновременно четко фокусируя глаза головы. В таком случае даже при блеклом лунном отблеске взору являлись величественные панорамы – для тех, кто еще кое-что понимает в величественных панорамах. Компания только направлялась к беседке, но уже в полный рост вела беседы. Тогда Димас сказал Денису что-то излишнее, и тот, несильно думая, коварным движением сбросил его вниз, в обрыв. Все присутствующие при происше-

ствии сошлись во мнении, что Димас уже вне всяких сомнений. В том смысле, что довольно-таки трагически погиб.

Что, впрочем, не омрачало приятный вечер и не помешало остальным завести беседу о чем-то менее великом и важном: о нарядах прошлогодних коллекций, бешеных скидках и небывалых распродажах на воскресных ярмарках, о недавно внезапно открытой планете, да обо всем на свете... Когда все темы исчерпались и друзья спускались со смотровой площадки, то к ним вновь как ни в чем не бывало присоединился Димас, неся какую-то небывалую нелепицу, выдаваемую за чистую монету: что китайскую стену впервые построили на Луне, но отсутствие там атмосферы отбросило ее на тысячи лет вперед, что и привело к падению берлинской стены, соответственно Пекин – это и есть столица искомой Атлантиды, а Архангельск – лишь обломок Гипербореи. Кажется, он совсем пренебрег тем обстоятельством, что по всем законам физики и логики ему следовало бы умереть, но уж если не умер, так хотя бы надлежало поделиться впечатлениями от головокружительного полета. Нелишним было бы и высказать Денису справедливые замечания и все-все-все, что он о нем думает, но Димас и не думал, а только очень много говорил, делясь с друзьями своими географическими признаниями и откровениями. Возможно, его речи о Китае как-то опосредованно влияли на окружающий мир, поскольку над их головами теперь лениво парил дракон. Причем точь-в-точь такой, каким Никита всегда и представлял себе драконов. Тут из-за крон деревьев возник воздушный шарик, а следом, разумеется, и большой брат – воздушный шар... В Никитиных ушах раздался тревожный стон и звон... Тогда прогремел большой взрыв сознания, и картины привычного мира распались мгновенно и бесследно.

Безобразный будильник жестоко дребезжал во всю комнату, чем разбудил Никиту, что, правда, и было запланировано накануне. Никита вспомнил себя и то, что на дворе как обычно вторник. Что нужно сбросить свои одеяла, скрутить перину, смять подушки и поместить все это внутрь тахты. Заметно поеживаясь отправиться на кухню, где заваривать свой утренний чай и затевать незамысловатый завтрак. Пока яичница превращается в блюдо, неплохо бы освоить водные процедуры, чтобы затем принять завтрак, после чего уже найти в шкафу комплект не слишком грязных одежд, и, пожалуй, можно уже начинать очередной день...

Но он все-таки успел, не обрывая потока сна, перевести будильник на 10 минут вперед. Или назад? И вернуться вспять, туда: в задумывающийся, возрождающийся и неспящий мир.

Физик и Метафизик

Ночь, обещавшая быть бурной, на проверку восприятием выдалась ветреной и вязкой. Разномастная толпа, прячась прохлады и ища развлечений, осела по кабакам, кабаре и клубам с ночным меню, поскольку дневные клубы уже наделали денег и ушли в тень. Серьезно сырело и, конечно, смеркалось, но человек давно уже привык ко всему...

Никита не имел намерений искать приключений, тем более что они и сами приключаются исправно, без малейших к тому поисков. Хотя давно подмечено, что концентрация чудес и честного волшебства сильно зависима от района города. В элитных кварталах – бессмертная скука. В то время как иные районы и в дневное время штампуют чудеса, как хорошо поставленное производство. Памятен случай, когда одна сильная женщина ухитрилась родить молодого человека прямо на лужайке, что неподалеку от станции метро проспект Большевиков, да еще и в разгар рабочего дня. Что вполне отвечало духу времени: большевики в шоке, меньшинства – в шоколаде.

Зайдя в скверик неподалеку от вокзала, Никита расположился на старинной скамейке из чистого дерева, оправленного в чугун. Со всех четырех сторон света сквер окружали дома и дороги. И хотя едва ли кто дерзнул бы охарактеризовать это место как легкие города, но в последние годы и подобные остатки былой зелени попадали на карандаш ушлых строителей и таинственно исчезали с городских карт, перекочевывая в сметы. Однако именно до этого сквера строительная корпорация монстров пока не добралась, по-видимому, не успев еще согласовать некоторые нужные бумаги.

Пренеприятнейшая загогулина с этим парчком у строителей выходила: место лакомое и людимое, рядом вокзал и известный проспект, центр города – идеальная площадка для возведения торгового комплекса и отеля. Ситуация досадно осложнялась тем историческим обстоятельством, что именно здесь когда-то стоял храм, к удовольствию будущих строителей, снесенный прошлой властью. Новая власть, повально пустившаяся в показную веру, храм восстанавливать не стала, но памятную стелу все-таки водрузила. И пока всякие активисты ратовали за историческую память через восстановление храма для культурной преемственности, строители, напротив, нахраписто убеждали общественность, что препятствовать развитию города, цепляясь за великое прошлое и ностальгию, за мнимую ценность исторических памятников – это в высшей степени асоциально и аморально. И для них неприятный сюрприз весь этот каприз местных жильцов, самоорганизовавшихся в протестную массовку. Тогда как и ежу понятно, что всем ведь было бы лучше если все-таки построить здесь современный торговый комплекс и отель для гостей вашего города, что сразу сделало бы его еще более товарным и развлекательным... Негде выгуливать собак и детей? Глупости какие-то! Время такое, что детям на улице вообще делать нечего. Безопасность-то, понятно, на уровне, но есть ли смысл в такое вот время появляться на улице без денег в кармане или на карточке... ведь тогда решительно невозможно ничего купить! А платежеспособность детей, как известно, позорно низка, да и способностей брать в кредит они в себе еще не воспитали... Слишком уж маленький имидж. Да и мамка заругает, коли прознает, что дитя вложил свои небогатые деньги не в лучшее предложение на сумасшедшей распродаже, а так... в погремушку.

Такие примерно страсти кипели вокруг безымянного сквера. Однако пока нужные бумаги валялись на согласованиях у комиссий в кабинетах, внутри него еще можно было вполне сносно пережить эту ночь. На соседней скамье мирно отдыхали двое граждан: мужчин, пусть уже и явно тяготеющих к пенсии, но еще достаточно крепких и выносливых, чтобы всю ночь распивать напитки, а наутро подбирать правильные пароли к брюзжанию жен. Одеты мужчины были не по последней моде, к чему, впрочем, явно и не стремились: неприметные серые жилетки поверх неброских рубаш, выдавшие виды синие джинсы и спонтанные ботинки.

Да и не в тех годах и статусе пребывали мужчины, чтобы забивать голову гардеробом, ведь провожают-то по уму, а годы уже берут свое. Довершали портреты дымные папиросы и коньяк – хорошо, если – однолетней выдержки. Пожалуй, Никита и не обратил бы внимания на подобных типов в повседневных обстоятельствах, если бы не одно «но»...

Будучи заложником эпохи очень высоких технологий и продвинутого прогресса, Никита уже не умел не черпать информацию отовсюду и всегда, не мог не заниматься ее лихорадочным сбором, анализом и синтезом... Что каким-то магическим образом стало присуще большинству обитателей информационных долин. И чем мегаполиснее раскидывался город, тем в большей степени. Поглощение инфы теперь осуществлялось одновременно с поглощением кислорода, но умом ценилось, конечно, значительно выше. Кислород-то осваивать... любой дурак умеет без всякого приложения сил, а тут дело посолодней: все сопоставить и соотнести надобно – шутка ли? Даже шагая мимо помойки ум умело засматривался на обертки, обложки, огрызки, считывая с них товарные знаки и марки, сводя все эти умозрительные данные в какую-то подсознательную таблицу. В том же метро, изнемогая от скуки или валясь с ног от усталости, люди продолжали непрестанно изучать окружающих, пытаясь раскусить их сущность и дать исчерпывающую оценку по видимым признакам. Вон тот, который в косухе и с проколотым ухом, наверняка анархист и наркоман, не исключено даже, что немножко опасен. А вон та, что читает журнал о моде, очевидно, безнравственная пустышка, которая только и думает о том, как придать себе товарный вид, дабы продать подороже. А когда любопытные на первый взгляд личности заканчивались, а до следующей остановки, где могут зайти новые кандидаты в любопытные личности, еще ехать и ехать, пассажиры принимались от скуки – с интересом изучать рекламные наклейки и плакаты. Пускай их креатив и адресовался явно не им. А вдруг пригодится?

В скверике же основными поставщиками информации для Никиты стали как раз соседствующие мужики, пожалуй, даже излишне голосисто делящиеся друг с другом ощущениями от жизни. Волей-неволей и время от времени Никите приходилось вникать в суть их беседы, кое-где задумываясь, погружаясь в свое и переосмысляя говоримое теми.

– Меня моя совсем запилила... Ремонт ей надо сделать, подвесные потолки всякие, полы с подогревом... Понасмотрятся сериалов, епт, а финансовое наше состояние сам знаешь, Михалыч... Как у всех. Раньше, помнишь, деньги всегда были, так ничего не купишь – дефицит. Теперь все есть, а все равно не купить – дефицит денег, ядер батон. В молодости за идею хоть работали, а теперь и ее нет, – сокрушался один из мужчин.

Здесь Никита задумался над отсутствием в своей жизни не то что жены, но и хотя бы сколько-нибудь идейной подруги жизни. Хотя в массовой и традиционной культуре наличие таковой считалось желательным, а с некоторых пор и обязательно-статусным – наряду с квартирой, машиной и зарплатой. Однако реальные практики многих заставляли с осторожностью относиться к такого рода обрядам как женитьба. Вот и жалоба соседствующего мужичка пришла на ход мысли.

– Хотел тут в отпуск в Крым съездить, места молодости навестить, так одни билеты туда-обратно для меня и жены – почти вся моя зарплата, – продолжал негодовать мужчина.

– Да не убивайся ты так, Федя! Съездим ко мне на дачку, по лесу побродим, по грибы сходим, баньку затопим, мяска на костре справим – вполне прилично время проведем, – успокаивал того товарищ.

Хорошо, когда есть возможность проводить время, прикинул Никита. Хуже, когда его приходится откровенно убивать, а оно тянется еле-еле, словно топчется на месте. Вообще-то непонятно, почему время принято трактовать как нечто стабильное и математически безупречное, ведь очевидно, что оно определяется сознанием и восприятием. Минута в троллейбусе с постоянно меняющейся картинкой и в однообразном метро – разные величины. Минута в читальном зале библиотеки и на боксерском ринге – это уж совсем пропасть. Хм, еще не

хватало... жаловаться на время. Хотя сейчас его полно и оно само не жалуется. Никак не проведи. А выходные пролетят моментом, мгновенно. Такой у них параметр времени задан. До открытия метро, впрочем, еще два часа, между прочим... Однообразного и долгого метро, без изменчивой картинки. Ждем-с.

Разговор скамеечных попутчиков уже перешел от бытовых и денежно-дефицитных драм к проблемам упадка культур.

– Не, Макар, ну и что случилось с твоей любимой литературой, – вопрошал Федор, – где сейчас в литературе титаны духа, властители дум, законодатели мод? Кто сейчас в литературе, кто? Писатели окопались где-то на окраине индустрии развлечений. Пытаются, конечно, развлекать, но до Голливуда им очень далеко. Вроде как самые успешные из них пробиваются в телевизор и быстренько завязывают с литературой.

– Литература мертва, Федя, причем уже не в первый раз. Сейчас ничего нового ждать не стоит. Бывает такое. Все новое сейчас – переосмысление и интерпретации старого. Но ты знаешь, столько всего за последние пару веков дельного было написано, что переживать насчет отсутствия нового я бы не стал. Никакой жизни не хватит, чтобы прочесть то, что есть. Приходится еще отбирать, понимаешь ли, лучших из достойных. Ну... а с твоим футболом чего? Получают сотни тыщ баксов, а сами лениво и неинтересно пинают мяч по выходным, делов-то. В то время как, прости господи, бюджетники... вроде, кстати, нас с тобой, с большим трудом зарабатывают, так сказать, деньги. Откладывают копейки на старость, на приличное место на кладбище. От государства нашего дождешься пенсии и помощи, как же! Помнишь сам, как с советскими сбережениями нас всех кинули... Вот и сейчас продолжают кидать, только не так топорно, а медленно и методично. Со знанием дела.

– Каждый народ заслуживает той власти, которая есть. Чего уж, мы сами обманываться рады. Одни проходимцы приходят на смену другим, а мы их вроде сами же и выбираем...

Извечный мотив – раньше все было лучше: дома выше, бабы моложе, пиво свежее – с ухмылкой подумал Никита, – хотя скоро и я, наверное, начну рассуждать схоже... Впрочем, уже рассуждаю. Музыка девяностых была много лучше музыки нулевых, не я ли на днях доказывал это зарвавшимся птушникам? Хотя и по части литературы и футбола с мужиками спорить нечего. Футболисты уже давненько не пишут гениальных романов и слезоточивых стихов. А нынешние писатели едва ли способны на искрометный финт и выверенный пас.

Пока Никита отлучался в ларек за квасом, разговор явно приобрел политический оттенок:

– Не, ты объясни-ка мне, Макар Михалыч, как можно в течение 20 лет проводить реформы и ни хрена не добиться? Вон разгромленные немцы и японцы после войны за 10 лет восстали из пепла... и страны свои странненько обустроили на зависть, и живут теперь... как люди, а мы 60 лет приходим в себя после победы. Ну и о последствиях татаро-монгольского ига и правления Ивана Грозного не будем забывать, до сих пор оно у нас аукается. А сейчас вообще страну просрали: промышленность порушили, дороги строят сразу с ямами – только воруется кругом. Внуков вон в детский сад без взятки уже не пристроить...

– Все так, Феликсович. Верхушка жиреет, а остальные... уж как придется. Ну, дык и сейчас есть хорошее. Книжки вон, например, можно читать любые, какие хошь, никакой цензуры.

– Читать-то можно, а ты попробуй-ка купи! В Дом книги давно заглядывал? Цены читал?

– Так ведь можно читать и в самом Доме книги, никакая хмурая тетка со шваброй тебя не прогонит, а, напротив, милые девочки будут тебя улыбаться, в худшем случае – ехидно.

– А... ну так-то да, это уже можно! (Посмеялись, нолили).

Никита вновь загрулся о вещах личных и довольно бытовых: о предстоящем на следующей неделе форуме, о прохладной подушке, которая ждет с утра, о голодной кошке, которая обязательно встретит у порога... Здесь мысли вдруг скакнули к старой головоломке, не дающей покоя: чем живут люди, которые ни во что не верят? Неужели того только ради, чтобы

пожрать, поспать, посовокупляться, сделать полезные для дома покупки? В чем тогда суть и соль их жизни? Сожрать еще больше и вкуснее, наделать покупок еще более выгодных или дорогих? Некоторые, правда, утверждают, что их цель есть оставить потомство, передать гены, тем самым как бы сохранив себя в веках. Вопрос в том, оплатит ли потомство благодарностью, вспомнит ли? Помним ли мы сами своих дедов и прадедов, знаем ли их биографии? Редко. Они ведь жили в такую седую старину, что вроде как и жизни их не представляли особенной ценности. Жили да померли. Отменный навоз для нас. Да и подобная бескорыстная жертвенность, направленная на передачу ген, прямо скажем, не слишком свойственна людям, работающим сутками навывлет, чтобы своевременно внести плату по кредиту и изредка сходить в суши-бар. А как и чем жить инвалидам, прирожденным или ставшим таковыми? Сразу стреляться? Пускай самоубийство – одна из старейших философских категорий. Вроде как можно в секунду получить ответы на все вопросы бытия... или снять их с себя, но что если ответы последуют, вопреки надеждам неверующих ни во что...

Никита отвлекся от нахлынувших размышлений и вновь возвратился в густоту реальности. Собеседники, словно уловив его мысли, или наоборот, и сами погрязли в теологических диспутах, явив классический спор атеиста и теиста, физика и метафизика. Вообще-то давно замечено, что многие посиделки зачастую заканчиваются именно так, на высокой ноте: дискуссиями о природе жизни и смысле вещей.

– Да брось ты, Михалыч, какой бог? Опять начинаешь... Оставь эти библейские сказки для кого-нибудь другого! Я же взрослый человек: у меня дети, внук уже имеется... Да и если бог есть, то как он может допускать такие мракобесия: убийства, войны, теракты, насилие над детьми...

– Федор, ты не прав! Да сколько можно трактовать Бога как мудрого седовласого старца, пытающегося творить добро, но хронически не справляющегося со своими обязанностями? Бог не Дед Мороз, который обязался делать подарки. Нам совершенно ничего неизвестно о замыслах Творца, о причинах явлений, о жизни после...

– После чего?

– Смерти, разумеется.

– Да брось ты!

– Нет, ну а как ты логически объяснишь то, что с самой глубокой древности все народы мира, в том числе изолированные друг от друга, несли одно и то же знание, передавали его из поколения в поколение. И передали-таки его нам – через тысячелетия. Иначе чего бы мы тут спорили?

– Да не было у древних других объяснений просто, чего тут непонятного!? Их культура формировалась природой и страхом, отсюда и все эти суеверия и предрассудки!

– Дошедшие и до нас... не находишь странным? Во все времена люди верили, а некоторые и знали, пойми. Веры бы давно не было как понятия, если бы она не имела оснований, не была необходима. Да и нас бы с тобой, скорее всего, не было как разумных существ. И никогда твоя наука не сможет опровергнуть веру, разве что научно обосновать физические свойства природы.

– Ничего... мы, ученые, еще победим эти... эти рудименты первобытного сознания.

– Самое важное, что наука так и не смогла объяснить феномен жизни, ее зарождение, не говоря уже о смысле. Заметь: у верующих людей со смыслом жизни все в порядке, вопросов не возникает. А так называемые «мракобесия» творят как раз те, у кого ничего святого! Вот тогда можно и убивать, и кромсать, и насиловать – и никаких последствий, делай, что хошь. Именно безверие – источник хаоса, произвола, Феликсыч...

– Ну, знаешь, наука давно обосновала человеческую природу, доказала многое, дала объяснения необъяснимым прежде вещам, доказала теорией эволюции, что...

– Ты всерьез считаешь себя потомком обезьяны?

– Не... ну некоторые-то... совершенно точно произошли от обезьян (смеются).

– Нет, а если серьезно, ты не думал над тем, что эволюция вполне может быть частью некоего замысла, процесса? С чего вдруг это надуманное противопоставление? Вспомни, даже наши деды были и кореннее, и сильнее, а уже наши дети куда subtilнее нас, да и умнее не становятся... Так куда нас ведет священная эволюция? И что там доказала твоя наука?

– Перестань называть ее моей, она всеобщая и универсальная.

– Ладно, что всеобщая и универсальная наука доказала? Что есть атомы и молекулы, протоны и нейтроны... Но что с того? Как это все работает, для чего и где первопричины?

– Оставь эту демагогию!

– Ладно... Вот вы, ученые, научно обосновали жизнь, разложили все по полочкам, выстроили хитрожую гипотезу, что сначала не было вообще ничего, – ты попробуй-ка представь себе это «ничего», – потом вдруг произошел какой-то взрыв, миллиарды лет все разлеталось и продолжает разлетаться по сей день, но между тем начала формироваться планета Земля, после чего на ней как-то сама по себе зародилась жизнь... И вот она развивалась долго и мучительно, покуда обезьяна не взяла в руки палку, и вот уже мы – венцы эволюции, сидим и распиваем с тобой коньячок... Высшая точка развития. Оптимальная форма жизни. Так вот, а каким образом появилась эта первая живая клетка? Каким? С чего вдруг неживая, мертвая материя заплородносила и породила жизнь? И почему современные ученые не в состоянии создать живую клетку, а только лишь используют уже живые ткани в своих смехотворных попытках создать жизнь?

– Мутации, Макар, мутации... Прошло ооочень много времени... пока нужная комбинация случайностей стала возможной. И вот тогда зародилась жизнь.

– Ай, ладно, Федор, у тебя очень развитой атеизм головного мозга. Кого боги хотят покарать, того лишают разума. Старая греческая поговорка. Да не, Федь, не пойми меня неправильно, ты отличный мужик, мы ж столько лет знакомы, что я могу тебе доверять во всем. Но вот тут ты еще не дошел до понимания, без обид. Да и сам скажи: вот когда ты хоронил свою матушку, царствие ей небесное, отчего ты ее вообще хоронил? А не распорядился этой совокупностью атомов и молекул как-нибудь бесхитростно, как с выкидываемым шкафом, скажем.

– Не трожь святое!!!

– То-то... Святое! Так зачем едешь в Троицу на кладбище, ухаживаешь за могилой, привозишь цветы?

– Храню память. Традиция.

– Египетская сила! Традиция... А с чего возникла традиция? Где ее исток и причина?

– Эти традиции – пережитки устаревших заблуждений.

– Опять двадцать пять – пережитки, заблуждения, суеверия...

– Ладно, Макар, может где-то ты и прав, может что-то такое и есть... Но я человек своего ученого круга, где не принято затрагивать подобные темы, не поймут, а то и на смех поднимут. И в твоих словах есть здоровое звено. Тьфу ты... зерно, во! Ладно, давай еще по одной, а потом пойдем уже... Пора бы уже понемножку двигать собой.

Такова классическая перебранка физиков и лириков. Но кто из них прав? Одни уверовали в торжество науки, которая смогла в течение каких-то двух-трех столетий дать разумные объяснения по всем важнейшим вопросам мироздания. Кроме, разве что... главных. Вторые придерживаются классических взглядов, пусть их позиции и изрядно пошатнулись в последние годы: лет как раз 200–300 – не больше. Кто из них верней в своем красноречии? Не представляется возможным дать ответ на самый сложный, но актуальный вопрос жизни. Хотя можно определенно утверждать одно: кто-то из них прав. Кто? Покажет время. Смерть – это тупик, или смерть – граница? А что если оба они правы наполовину и все гораздо сложнее? Или, напротив, проще...

Ну а пока становилось утреннее, народу на улице прибывало. Видимо, ночные клубы принялись закрываться. Вот и в скверике стало шумновато. С одной стороны резвые и трезвые кавказцы отплясывали лезгинку, выкрикивая непонятные русскому уху слова. С другой – пьяные панки орали песни Егора Летова и энергично бренчали на гитарах. Весьма причудливый оркестр-какафония сложился...

Но незаметно подъехавшие полицейские, вкрадчивой походкой вошедшие в сквер, направились вовсе не к возмутителям спокойствия, а почему-то к более смирным клиентам, первыми из которых стали именно физик и лирик, распивавшие по последней. Представились, попросили паспорта. Но, увы и ах, паспортов у тех при себе не оказалось, а вот сильно початая бутылка коньяка, как и другая такая же, но уже испитая до дна, словно застыли на месте, свидетельствуя совсем не в пользу отдыхающих мужчин... Глядя на это, полицейские сделали мужчинам предложение, от которого нельзя отказаться – проследовать в отделение. Так физик Федор и метафизик Макар отправились в иную, довольно безрадостную плоскость мира, где приходится обычно вести куда более приземленные диалоги.

Фабула Форума

Об участии в форуме под несколько чрезмерной формулировкой «Последние тенденции областей продаж в условиях долгожданного кризиса: перманентные трансформации рынка и риски при нарастающей сознательности потребителя; минимизация проблем через тонкий уход от налогообложения и лицензирование прожектов. Продажи и купли: поиски выхода из тупиков и последние ловушки для простаков» менеджеры трудового коллектива узнали еще за месяц до проведения. И хотя форум затевался впервые, но уже позиционировался как ежегодный. Местом проведения мероприятия был избран Новгород. Великий Новгород. По мысли фантазеров-организаторов выбор обуславливался могучими и кипучими торговыми традициями города. Да и сами они были оттуда.

Предполагалось, что посещение нового форума позволит менеджерам, изучившим актуальный материал и впитавшим правильные установки, получить ощутимое превосходство над другими менеджерами, менее удачливыми, которым не выпало чести и удовольствия быть приглашенными. Не говоря уже о тех легкомысленных юношах и барышнях, которые приглашения все же получили, но вероломно решили уклониться. Ведь участие в форуме – это фактически билет в сознательную жизнь, редкая возможность вырасти над собой, воспарить над тщетностью и курьезностью конкурентных ремесел, большой шанс почувствовать себя очень особенно, будучи на острие серьезных процессов и грандиозных проектов. Правда, многие менеджеры, включая Никиту, расценили поездку в Великий Новгород скорее в качестве возможности вырваться на пару трудодней из офисных трущоб, занять время отлично от предсказуемости повседневности, а в виде симпатичного бонуса – не упустить случай познакомиться с древней столицей Северо-Запада...

И вот долгожданный вторник – день отправления в неизвестность путешествия. Чтобы поспеть на форум, стартовавший, естественно, во вторник, в районе полудня, и заканчивающийся, в сущности, тоже во вторник – в среду, ближе к вечеру, нужно было всего-навсего собраться в семь утра на автовокзале, что на Обводном канале. Большинство именно так и поступило, но многие, как водится, поступили иначе и запоздали, что несущественно отложило старт триумфального выдвижения. Путь от Петербурга до Великого Новгорода по слухам занимает 2,5 часа езды на автобусе, но в целом данный вопрос не слишком разработан фундаментальной наукой, а оттого несколько непредсказуем и во многом философичен.

Блестящий автобус, напичканный телевизионными примочками и игровыми приставками, не подвел и подвез вовремя. Хотя иные менеджеры в дороге так увлеклись комиксами и приставками, что весть о приближении автобуса к Великому Новгороду восприняли с некоторым отторжением: как катастрофу скоропортящегося времени. Несчастливая начальница отдела была вынуждена взять на себя повышенные обязательства, став на время воспитательницей инфантильного менеджерского звена. Что поделать: материал сыроват, конечно, и едва ли с кого тут толк будет, но новое поколение профессионалов еще даже не проклюнулось, а здесь и сейчас такая уж поросль выдалась, чем могла успокаивала себя руководительница отряда. Но главные тревоги ее поджидали впереди. Временные трудности как эталон постоянства не оставляли надежд на скуку.

По приезду на место начальнице пришлось буквально упрашивать молодые кадры добровольно покинуть автобус и оставить в покое уют видеоигр. Мольбы игроков о том, что недурно бы поиграть еще минут пять по причине необходимости низложить босса уровня, что в некотором роде есть вопрос жизни и смерти, нисколько не задевали струны прагматичной начальничьей души. Ей вменялась задача обеспечить присутствие конкретного количества любого качества массовки на тусовке форума, и она имела непоколебимое намерение выполнить поставленную задачу. Никита, все дорожное время изучавший труд Льва Гуми-

лева, посвященный концепции пассионарности, также с некоторым недоумением взирал на своих коллег, таких серьезных и продуманных в офисное время, настолько и беспечных в быту, словно доказывающих собой, что эволюция сильно преувеличена... и далеко не всем еще удалось победить в себе обезьяну.

В результате переговоры завершились жиденьким компромиссом: начальница отдела пообещала выполнить единственное требование бунтовщиков и предоставила гарантии, что в гостинице, к которой они как раз уже подъезжают, их обеспечат всем необходимым, то есть пресловутыми игровыми приставками и любимыми видеоиграми. И уже по завершении первого форумного дня заядлые игроманы и попросту игроки смогут вновь вернуться в виртуальную обитель, в которой они по-настоящему непобедимы и незаурядны. Удовлетворение требований заставило забывшихся менеджеров пойти на попятную и вспомнить о своем трудовом договоре. Заминка закончилась, и дружный коллектив проследовал в гостиничные номера, где можно было занять свое тело, чем вздумается: полежать, посидеть, постоять – лишь бы только умом предвосхищать грядущий форум, хотя бы формально. Через час сбор в вестибюле! И чтоб никаких вольностей и ошибок в дресс-кодах!

Просторная зала уже наполнялась различными личностями и существами. Бакенбарды, парики, смокинги, серьги, декольте, изысканные туалеты, легкая волнительная суতোлка на входе, и вот – полна коробочка. Усаживались по местам, ахая и хихикая. Прикальвались, предвкушали. Сперва инициативу захватили организаторы действия, в условно-поэтической форме продекламировавшие цели и миссии форума, и сообщившие также, что в зале собралось свыше двух тысяч избранных менеджерских душ и карьер со всего Северо-Запада, и что они всячески уповают на то, что знания и навыки, приобретенные ими в период проведения форума, послужат всем добрую службу и послужат толчком для внедрения передовых технологий влияния в подсознание масс.

В стартовые полчаса мероприятия Никита не раз подмечал, как из зала весьма бесцеремонно выводили каких-то людей. По рядам просочился сильный слух, что это были лазутчики из числа обычных людей, не имеющих ни малейшего отношения к торговле, но старавшихся скандально пронюхать технологии попадания в мозг потребителя покупательных желаний и хотелок. Тем самым они силились заполучить доступ к тайному знанию, позволяющему игнорировать и блокировать рекламные трюки и уловки. В зале отнеслись с пониманием к происходящим неудобствам, все разумели, что служба безопасности действует в рамках разумных и резонных полномочий. И уж, конечно, не пристало заурядным и неподкованным дилетантам на форуме иметь место. Вот вопрос, кто таких сюда вообще впустил, как это служба безопасности, несмотря на повышенные меры предосторожности, проворонила пришельцев – подобный вопрос слегка будоражил умы. А что если в зале притаился какой-нибудь неподкупный и объективный журналист, норовящий спровоцировать общественность безжалостной правдоподобностью статьи? А что если он придумает придать огласке что-нибудь совершенно секретное? Эх, как бы чего не вышло...

Стоит заметить, что сама вялотекущая форумная вязь не слишком-то оправдывала суровость санкций по отношению к излишне любопытным гражданам. Принципиально новых тезисов в тот день озвучено не было: сплошь старые избитые штампы о том, что торговать надо умеючи, делиться надо и сливаться, поддерживать равновесие цепочки, дабы все игроки всеми жилами ощущали адекватность парадигмы рыночной постмодерновой экономики. Уже в который раз вещали, что покупателя следует воспитывать как класс, приручать доступностью и яркой оберткой, а уж когда у того в уме наступает ясность, что без полюбившейся группы товаров ему уже не жить, тогда-то и следует ценник взвинчивать внезапно, тем самым технично отбивая вложения в рекламную кампанию и прочие издержки на содержание аппарата. А уж способы приручения слишком известны, чтобы их называть и... Словом, новых ролей и моделей поведения в псевдо-кризисных реалиях на форуме предложено не было. А вот кризис идей

становился все более зримым, а потому мысли о желательном скорейшем завершении беспонтового шоу (а у кого и навязчивая идея про игровую приставку) закрадывались во множество мозгов.

Несколько разнообразил потоковое вещание академичных докладов специальный гость – немало известный писатель. Тот должен был дать исчерпывающую характеристику книжного рынка России и порассуждать о взвешенной ценовой политике книжных сетей, которые, к величайшему удовольствию любителей чтения, должны вот-вот вытеснить мелкие книжные лавки с их позорно низкими ценами и нелепым уровнем обслуживания с индивидуальным подходом к каждому встречному-поперечному. Однако автор доклада, лишь бегло прогулявшись по заявленным темам и даже не пытаясь их сколько-нибудь прилично раскрыть, в оставшиеся из отпущенных ему пятнадцати минут вдруг принялся описывать свой творческий метод, чем изрядно удивил затаивших дыхание слушателей и особенно организаторов – ярых врагов сюрпризов. Откровением звучало трогательное признание, что на самом деле тот за всю свою жизнь самостоятельно не сочинил ни строчки, не говоря уже о всяких метафорах и аллегориях, а всего-навсего наловчился соединиться с сервером мироздания и скачивать оттуда уже готовые произведения. А кто их творит всамделе, кто есть подлинный сочинитель, писателю не только неизвестно, но даже и неинтересно. Он лишь избранный посредник, в некотором роде литературный агент, умеющий обделывать дела и запускать литературные проекты в печать. Писатель окончил импровизированную речь и неспешно удалился за кулисы под сдержанные аплодисменты присутствующих, в то время как все предшествующие ораторы покидали трибуну под громогласные овации... Порой даже чересчур. Настолько, что складывалось временами полное 3D ощущение, будто в динамик ставили запись с концертов и творческих вечеров генсека Брежнева.

Дал джазу и представитель НИИ, физических наук мастер, руководитель эксперимента, в котором Никита не без удивления признал того самого физика, что в пятничную ночь был с поличным задержан стражниками правопорядка в скверике у вокзала. Физик, воодушевившись выступлением писателя, тоже довольно скоро свернул с анонсированной темы «Триумф нанотехнологий в современной России: модернизация и имплантация новинок в дряхлую ткань» и, бегло огласив сводку по вымученным и весьма неочевидным успехам, принялся беззастенчиво выклянчивать средства для своего НИИ, взволнованно апеллируя к общественности в том духе, что государство совсем уж оставило науку в трудные времена перемен... и они, НИИ, нараспашку открыты для предложений частных инвесторов, меценатов, спонсоров... НИИ, по уверениям физика, готовы сдавать в аренду подсобные помещения и все пустые углы. Да что там подсобные углы... и лабораторные площади в принципе уже готовы отдавать – ты только деньги носи... наличные, приличные...

Отцам-основателям пришлось не по вкусу откровения последних выступленцев, вступивших на зыбкую почву импровизации, и те, от греха подальше, поспешили закруглить день первый, свернув программу и перенеся выступления нескольких ораторов, оставшихся без права слова, на день второй. Лишенные слова, впрочем, расстроенными не выглядели, а один тип, хронически боявшийся публики, даже облегченно пританцовывал, радуясь дополнительному времени на подготовку к держанию речи. И завтра же, уже завтра – проговорились организаторы торжества, случится главное: речь будут держать лучшие из нас, хедлайнеры и гвозди программы – топ-менеджеры. То есть те самые люди, которые достигли полнейшего успеха по жизни сами. Без протекций и провокаций, минуя козни недругов и недоброжелателей, не раздавая и не принимая подарочных взяток. И те недоумки, которые сомневаются в масштабе и значимости этого триумфа – лишь жалкие завистливые подмастерья. А вот эти топ-менеджеры – славные парни, признанные корифеи продажного искусства, рожденные для того, чтобы стать надежным ориентиром для своих менее успешных сородичей и собратьев. И того ради, чтобы окончательно закрепить оглушительный успех вечера, организаторы, дав отмашку, запустили

в зал нарядных мальчиков и девочек, дарующих гостям форума карманные электронные органайзеры, призванные в умелых руках стать серьезным подспорьем в деле рационального распределения дня. Ну и немного поспособствовать росту лояльности по отношению к отцам-основателям...

Можно вообразить священный ужас новгородцев, ставших свидетелями мистического видения, в котором из Дома Культуры вываливает успешная толпа прожженных продажников: холодных профессионалов и расчетливых втюхивателей, прирожденных торговцев и их приспешников. К счастью, продажники довольно быстро устремились в поисках вариантов вечера по различным адресам, не успев особо между делом никого продать или предать. Никита, поддавшись на уговоры своих корешей Димаса и Дениса, согласился провести вечер в здешнем пивном ресторане, где пиво было местным – вкусным. По мере потребления напитка настроение самым причинно-следственным образом улучшалось, а жизнь постепенно налаживалась. Там же ребята познакомились с другими ребятами, которые, как выяснилось, тоже прибыли на форум, но из Петрозаводска. Только о самом форуме за весь вечер разговора так никто и не завел, ведь у приличной публики завсегда найдется в запасе множество более занятных и внятных предметов для обсуждения. А с иногородними бывает вдвойне любопытно сверить впечатления от происходящего повсюду. Какой-то добряк из петрозаводских, несомненно, из лучших побуждений – вдруг заказал целый ряд 3-литровых банок, наполненных темным и томным пивом. Возможно, именно поэтому вечер постепенно утрачивал целостность и стал распадаться на отдельные эпизоды, громогласные пятиминутки и затишья, но чем дальше и дольше это продолжалось, тем беспощаднее смеркалось сознание. И констатировалось, что если у кого и были какие иные планы на вечер, то их можно смело сворачивать за невозможностью выполнения, ведь будучи опьяненным нет уже никакого резона заниматься другими делами, кроме как дурачиться или глупо расстелиться у телевизора, пытаясь примириться с низким уровнем показываемого – отвратительного даже притупленному восприятию.

Вернулись все в гостиницу довольно поздно, но, памятуя о том, что вставать довольно рано, решили и вовсе не ложиться, а лучше перекинуться в азартный покер на щелбаны. Стремления спать не возникало и потому, что и ежу понятно, что просмотр снов этой ночью будет заблокирован – нетрезвый мозг снов не наблюдает, прямо как и счастливые часов. Но природа взялась за свое и вступила в свои права: сморило.

Никита очнулся по будильнику, каким-то чудом верно заведенному на 09:12 утра. Однако пробудился он почему-то в номере Димаса и Дениса, уже облаченным в костюм и лежа на облезлом ковре. Друзья-товарищи, несмотря на наличие в номере двух одноместных кроватей, тоже отчего-то небрежно валялись на полу и очухивались. Отвратительная помойка во рту и головная боль в сочетании с творческим хаосом вокруг позволяли на секунду почувствовать себя капризной рок-звездой. Однако одна только мысль о том, что предстоит еще весь день просиживать на форуме, прикидываясь слушателем и обозначая аплодисменты, а после того держать продолжительный путь домой, в свой город, в центр города, после чего еще и минут сорок добираться до родного района, а на следующее утро возвращаться в офисные лабиринты... довольно болезненно возвращала к реальности. А, впрочем, в глотку ведь никто не заливал, а потому искать причины вялотекущего состояния в каких-то внешних недружественных факторах не представлялось возможным... Катастрофически исчезла и улетучилась куда-то вчерашняя обманчивая легкость и лихость, на смену им пришли последствия – сушняк и головняк.

В дверь номера настойчиво постучали, что заставило встать и открыть. Снаружи относительно номера, но внутри относительно коридора, нетерпеливо стояла извечно свежая и двуязыльная начальница отдела. Пусть и слегка удивившись тому, что дверь открыл Никита, а не ожидаемые Димас или Денис, та принесла последние известия:

– А... и ты уже здесь? Плохие новости: форум по непонятным причинам закрыли, сегодня уже ничего не будет. Собирайтесь, скоро едем домой.

Редко какое утро радуется и начинается хорошей новостью... Но тогда неожиданно для многих случилось именно такое утро. Что, впрочем, ничуть не умаляло физических страданий. Други, поиронизировав над подобной трактовкой «плохой новости», включили телевизор, чтобы ознакомиться со свежей подборкой других плохих новостей, заботливо отобранных редакторами с центрального ТВ, однако тут же уставились в выпуск местных плохих новостей. Прямо скажем, сегодня там была одна только новость: с утра отправлен в отставку главварь города. Внезапно, как молния, слепила такая новость новгородцев. Еще вчера вечером главный чувствовал себя вполне привольно и устойчиво, даже не подозревая, что в недрах заправляющей партии и глубинах высших кабинетов замка на холмах назревало окончательное решение отстранить его напрочь от хлебосольной должности.

Градоначальника в городе не любили, но уважали, в том смысле, что боялись. За бесконечные годы руководства тому удалось сделать многое: возглавить местный крупный бизнес и обезглавить малый, сдружиться со всеми живыми бандитами и всячески тем содействовать и потворствовать, имея с того известные выгоды... Словом, случилось ему прослыть как покровителем криминальных искусств, так и большим ценителем откатно-распилочных схем. И все бы ничего, да вот только обеспечивать достойные результаты заправляющей партии на выборах в местный парламент в последнее время получалось как-то не очень, и вот – бац, на отдых. Разумеется, почетный и престижный, но все окружение понимало, что правила игры меняются. Нужные люди приняли сигнал, что ниточки управления ускользают от бывшего безвозвратно, что нужно встраиваться в новую схему, а низложенному боссу уровня вскоре предстоит как распоследнему бедняку перебиваться с черной икры на красную... А люди из замка на холмах, разумеется, поставят на кормление другого лидера, призванного стать символом изменений к лучшему, способного вдохновить подведомственный город на новые свершения и невероятные подвиги, поднять гордый флаг города до самых вершин благосостояния и благополучия! И... заодно приучить наконец-то здешнюю публику правильно заполнять избирательную бюллетень.

В тот день Великий Новгород был уже иным, организованная преступность заметала следы и уходила на дно. Тогда же и выяснилось, что организаторы форума были организаторами не только форума, но и целого ряда афер и преступных деяний, а через форум они вознамерились отмыть средства и заодно завязать полезные для дальнейшего роста знакомства. Организаторы, одними из первых прослышав об отставке босса, изо всех сил постарались скрыться за границу, но были задержаны на границе. И без особых судов и следствий брошены в темницу, где отныне и дожидались наказания за преступления. Вот так неожиданно и бесславно погиб ежегодный форум. И стало возможным возвращаться домой...

Однако своенравный корпоративный автобус наотрез отказался приезжать раньше, даже принимая в расчет форс-мажорные обстоятельства. Он так и сказал, что прибудет на автовокзал согласно графику – ровно ближе к вечеру. И ни минутой раньше. Таким образом, Никиты и сотоварищей появлялась чудесная возможность вволю полюбоваться старым городом и достопримечательностями: Софийским собором, памятником «Тысячелетию России», рекой Волхов, да мало ли в городе заметных и занятых мест? Подобная возможность открывалась перед всеми без исключения участниками канувшего в Волхов форума, но вот что поразительно: основной массе освобожденных от форума специалистов и мысль в голову не снизошла, что можно не спешить, остаться еще, к чему-то приобщиться... Пресловутое большинство стремительно рассаживалось по личным авто, маршруткам, попуткам и поспешно разъезжалось восвояси. Они отчаянно спешили по своим адресам и офисам, оправдываясь немедленными делами и горящими договорами, будучи не в состоянии сделать остановку или перерыв. Оглядеться вокруг широкими глазами и признать бесспорную красоту, в которой хочется

застыть и побыть. Провести денек в ладу с собой, погрузиться в незнакомую, а потому необычную атмосферу другого города; прогуляться по старым улочкам, сложить композицию из опавших осенних листьев; смастерить шутейную табуретку из спиленных, но еще неубранных стволов деревьев; вслушаться в птичье пение, расслышав в нем что-нибудь и для себя; забежать в случайное кафе, имея намерением пропустить стаканчик веселого глинтвейна, и, согревшись, осознанно продолжать свой путь земной...

Но разбегающемуся абсолютному большинству и мысль в голову не вдарила, что так тоже можно... Оно предпочло торопливо трястись по пыльным дорогам, дабы уже днем иметь шанс отправить важный факс, лелея надежду преобразовать его в выгоды, извлечь из него деньги, подлежащие обмену на брендовые товары и новомодные услуги, которые, возможно, на время принесут удовольствия и удовлетворения, сменяющиеся болезненной потребностью и острой необходимостью наделать новых денег, чтобы выменять их на еще более совершенные игрушки, способные по мысли их приобретателей произвести ошеломительный эффект на окружающих, старых знакомых и случайных прохожих, ведь единственный доступный метод самосовершенствования заключается в самовыражении через обладание деньгами, конвертируемые в престижные прибабасы, а те, кто не в теме последних игрушек, тот и живет-то, в сущности, зазря... Мчали в офисную сеть окончательно погрязшие в заблуждении, что мир – это война, в которой нужно непременно кого-то побеждать и ущемлять, дабы иметь возможность припарковаться у исполинского супермаркета и покупать-покупать там потом оптом и в розницу, забивая холодильник на зависть тем и этим, чтобы закрывшись за всеми шторами завалиться в телемагазин на диване и закупать, покупать и докупать там еще не купленное. И так, если повезет, можно дотянуть до старости в сытости, а то и роскоши, самым невероятным образом даже не попытавшись вдуматься в жизнь, в ее очевидную данность и смысловую нагрузку...

Большинство катилось колесом к своим смехотворным мечтам. К идеалам из глянцевого журналов и телесериалов. И им ничем уже нельзя было помочь, разве что посочувствовать, пожалеть и подумать во след: «Скатертью дорога...».

Вопросы на засыпку

Зачем снятся сны? Кому это выгодно? Сны о чем-то большем или ни о чем? Побочная продукция деятельности мозга, или выход в параллельные миры? Жуликоватая игра сознания, или тонкое предостережение? Тогда откуда, от кого? Осмысление новости, или отрывка совести? Запоздалые послания из лучших миров, или отголоски задумчивых вечеров? Кто знает? Знает ли кто, поднимите руку?! Вы уже не чувствуете рук? Да что с вами?! С чего вдруг возникла целая индустрия толкования снов? Откуда взялись эти миллионы пользователей, сыплющих запросами в поисковиках о подоплке снов, заинтригованных – что бы значило то или иное видение? С чьей подачи взяли моду ставить картины о снах в голливудских масштабах? Потому что пипл хавает? Не так ли? Тогда почему хавает? Неужели ни у кого в аудитории нет своих самобытных и состоятельных гипотез о природе снов? Да... и разбудите же кто-нибудь воон того молодого человека с последнего ряда... у нас сегодня теоретическое занятие, а сон надлежит исповедовать дома, в отведенные тому часы. Никиту растолкали соседи сбоку. Лекция по «Фундаментальной экспресс-психологии» пребывала в стадии становления. Преподаватель задавался вопросами, ариторическими вопросами, ответами на которые не мог разражаться никто. Никто ничего не знал.

Никто ничего не знал наверняка. Не оттого ли, что все посетители аудитории были уже изрядно взрослые? Тогда как, возможно, только дети, что еще не сдаены в детские сады и школьные рассадники, могли бы сказать что-нибудь веское или важное по заданным вопросам. Дети, не подвергшиеся прокачке мозгов социальными институтами, знают многое. Возможно, много больше ученых мужей и их обученных жен. Поговаривают, что они как бы ближе к истокам, к корням. И лишь ветхие старики, вновь впавшие в детство, вполне могли бы составить им здесь конкуренцию.

Никита смутно припоминал как в ту пору, когда мир еще был незнакомцем, а деревья считались друзьями, как в ту древнюю пору он умело летал на кровати в собственной комнате, притом что собственной комнаты у него тогда не было и в помине. Нужно было всего-то уловить тонкую грань между так называемой объективной реальностью и погружением в сон, тогда и становилось доступным летать, по-настоящему летать. Вдруг замечая, что кровать здесь не причина: она материальна и приземиста, предмет обихода, а потому осталась стоять в углу словно бы в наказание, а дух захватывает от полета по комнате – презабавная игра, сильно головокружительнее американских горок, прятки, салок или жмурок.

С годами умение летать улетучивалось. Когда Никите в старших классах школы разъяснили, что сны – это химическая реакция в мозгу, которая и вызывает всякие абстрактные благоглупости вроде совести или, скажем, любви, а последняя, в свою очередь, есть лишь химическое взаимодействие между двумя организмами в целях установления контакта для последующего соития, продолжения рода и, как далекого следствия, пушнего развития государственности, а Никита в эту постановку ответа поспешно взял да и поверил, тогда вот окончательно и утратил навыки полета. И более летать уже не доводилось, никуда и нигде, потому как это решительно невозможно в просвещенном и цивилизованном обществе. Так утраченное знание стало воспоминанием, к которому изредка, в минуту жизни трудную, обращаешься. И, отталкиваясь от него, рисуешь иную картину мира, даешь свои объяснения, пусть и не всегда понятные другим. Которыми, кстати, и не хочется делиться со всякого рода другими, поскольку, кто, кто еще может знать и понимать о чем речь? Такие картины в совершенности безупречны лишь для личного пользования.

И если вспомнить, что материальный мир – это тюрьма, а тело, как широко известно, тюрьма духа, то получаем, что дух заключен в тюрьму в квадрате, тогда как сам квадрат здесь – не просто фигура речи, но и фигура герметически геометрическая, замкнутая и угловатая. И

тогда уже совсем не очевидно, что реальный мир так уж и реален, учитывая печальную ограниченность его природы и структуры. И неспроста есть мнение, что лучшие люди уходят раньше, в том смысле, что умирают до срока, так ведь может это и естественно, памятуя о том, что досрочное освобождение никто не отменял. Так, стало быть, допустимо, что сны – то самое место, куда они уходят, ведь где еще как не во снах случаются свидания с безвременно ушедшими родными, близкими, друзьями... И, быть может, настолько бросающаяся в глаза материя, затмевающая собой более тонкие слои и уровни – утрированная версия мира того, потусонного, а завзятые и предвзятые материалисты и карьеристы, которые не только не знают, но и не верят – титаники духа и фанатики фигни. А ограничение восприятия и понимания – есть заурядный потолок сознания, искусственная заслонка, повязка на глаза, сквозь которую при желании можно многое разглядеть, но много ли находится желающих? Ведь куда как проще и привычнее бездумно ходить строем и сразу соглашаться с теми ответами на вопросы, которые вроде бы общеприняты и общепоняты. Быть может, мир материи – это источник сюжетов и сценариев для подлинного мира, который в виде демо-версии представляется по ночам нам, пребывающим в спящем режиме. Из многочисленных утечек и сливов информации явствует, что там нет здешних систем сдержек и противовесов: пространственно-тупиковых парадоксов, временных дефицитов, наигранных веками причинно-следственных моделек поведения. Там одной только мыслью обыкновенно перенестись с одной окраины города на другую, в то время как в мире материи для решения той же задачи потребуется в лучшем случае час езды на общественно-популярном или личном транспорте. И добираться в противоположный край уже несвежим, смятым, проклинающим всех трех китов, на которых крепится здешний мир, иногда уже вспоминая, а зачем, собственно, ехал. Так может все привычное окружающее есть коллективное бессознательное материальное сновидение, в котором можно себя достоверности ради ущипнуть, да даже и прищепить, но что это даст, принесет ли какой покой? Такой, что внесет хотя бы малейшую ясность в понимание происходящего. Так, быть может, мир – это когда Никита пригласил какую-то девушку в кафешку?

Никита пригласил такую-то девушку в кафешку, дабы совместно отужинать, сообща прогуляться до полуночи, а там – будь что будет. Но когда настал час расплаты, обнаружил в собственных же карманах форменное отсутствие денег – фигу. Видимо, кто-то их выкрал. Не мог же он взять и забыть их взять? Ерунда... Эпоха пищевых добавок и вдобавок технологий всегда найдет предложение из затруднительного положения, ведь есть же замечательный банкомат, раскинувшийся прямо за углом, если верить перечню адресов, указанных на оборотной стороне пластиковой карточки. Ты тут посиди, а я через минутку вернусь, лады? Однако на банкомате висела записка, гласившая, что тот временами не работает. Степень загрязнения записки свидетельствовала о том, что временные трудности начались достаточно давно и давно стали нормой. О, времена! Другой банкомат в двух пунктах подземной езды отсюда – не вариант, ибо долговременно. Что ж, пришел час звать на помощь друзей, способных не подвести и подвезти денюжат, прийти на выручку, ведь взаимовыручка входит в стандартный пакет любой дружбы. Досадно выяснилось, что деньги на мобило иссякли, пересох ручеек былых вливаний, тогда Никита кинулся в поисках места, где те можно класть, ложить, закидывать или забрасывать в платежеспособный и деньгоприимный терминал. В заднем кармане джинс покоились два мятых червонца, но автомат наотрез отказывался понимать их как деньги. И, немного задумавшись, сплевывал обратно, категорически не приемля. Тогда он стрельнул телефон у доброго проходимца, прозвонил по друзьям, однако те, все как один, находились вне зоны действительности. Не оставалось ничего, кроме как с пустыми руками бесславно вернуться обратно с притянутой за уши ошибочной улыбкой, чтобы просить понять и простить за комедию положений. Но такая-то девушка уже освоилась в соседней компании, стихийно сложившейся из неких развязных мексикашек, и виду не показав, что знакома Никите. А обслуживающий персонал, завидев должника, практически преступника, вернувшегося на место преступления, выслужи-

вающийся персонал вдруг дал виновнику в зуб, и тот злостно заболел, заныл, в результате чего Никита и потерял подсознание.

В следующем действии он понял себя идущим к районной поликлинике. Хотелось как-то закрыть вопрос с зубом. Думалось, что это даже знак, что в него вдарили. Прямо скажем, паршивый был зуб, дырявый. По мере приближения к поликлинике нарастало чувство тревоги от ощущения таящейся внутри опасности. Скучное серое здание поликлиники всегда заставляло серьезно задуматься и чем-то отталкивало. Так, так... а чего там делать по приходу в поликлинику-то надо? Там так извечно все путано, как-то болезненно осложнено. Ну, сперва-то понятно: купить у автомата бахилы, тем самым выказать стерильность намерений и доброкачественность помыслов, а дальше-то как быть? Так-так... собраться... там же есть характерная такая справочная, в которой сидят грамотные и обученные специалисты, имеющие ответы на все вопросы.

Никита добрался до справочной и с ходу начал задавать давно волновавшие вопросы: «Здрасьте, а Атлантида существовала, или все-таки миф? Тогда почему о ней упоминал легендарный Платон? Есть ли у вас свои самобытные и состоятельные гипотезы? И имеет ли какое отношение Атлантический океан к Атлантиде? А как быть с Гипербореей? Или опять же миф? Что же будет с Родиной и с нами? Тоже делается мифом? Или нравоучительной страшной сказкой?..». Ничего они сами наверняка в том окне не знали, отвечая весьма и весьма уклончиво. Дескать, по имеющейся в базе информации, Атлантида была да сплыла, но так давно и туда, что где теперь, науке даже неинтересно. Следующий!

В поликлинике с самого детства царил атмосфера абсурдности и болезненности, застарелой болячкой казалось все. Никита вернулся к справочной, прикинувшись другой теперь личностью, и кротко спросил: «У меня зуб болеет, как быть?». Мамзель из справочной, тоже уже совсем не та, что прежде, нисколько не отрываясь от утренних газет, отвечала зазубренный текст, что нужно обратиться в регистратуру, строго в порядке очереди, а уже там ответят на всякий вопрос более компетентно и комплексно. Ну, вот оно, вот, как всегда, во всей красе эта вошедшая в поговорку неповоротливость бюрократической машины, эти знаменитые дублирующие друг друга функции в каждом жесте, ничего ж не меняется... Уклад!

Тогда Никита занял свое место в очереди – последнее. Воинственные бабушки и тетушки из первых рядов, знающие толк в очередях, а потому имеющие ощутимое преимущество, затевали очередной раунд перепалки насчет того, кто и за кем занимал очередь, выясняя, кто раньше всех пришел, но отходил, а тут уж кто-то влез вперед батьки... Стояние в очереди – та самая редкая социальная ситуация, в которой русский народ проявляет прямо-таки былинную принципиальность и жаждет справедливости. Увы, не от разнузданного начальства, устроившего волокиту, принципиальность проявляется исключительно применительно друг к другу. Так жертвы очередей борются с последствиями, а не причинами, а потому обречены до конца дней своих на новые и наинovelшие очереди. Во многом именно поэтому дряблая цепочка двигалась крайне вяло. Спустя многовековую очередь Никита добрался до окна с надписью «Registratura» и вывалил туда все медицинские бумаги, бывшие в распоряжении. В регистратуре изучили спущенные сверху бумаги и вынесли вердикт: маловато, юноша, маловато будет. Недостает тут одной справки из последнего постановления о порядке приема простолудинов на условно-бесплатное лечение. Надо бы вам проехать по адресу, указанному в полисе, чтобы оформить там недостающий документ, а иначе ничего у нас с вами не выйдет... Тогда и посмотрим, что тут можно поделывать, как быть с вашим заклятым зубом, а покуда нет такой справки, никаких нет возможностей и рычагов для запуска государственно-медицинского ресурса по всяким пустяковым хлопотам маленького человека... Нет, вы не негодитесь, а извольте-ка сперва отправиться куда велено, засвидетельствуйте там свое почтение, объясните всю деликатность вашей просьбы и признайтесь во всеуслышание, что были не правы, ведь ситуация сложилась по вашей, исключительно вашей, понимаете ли, вине. И в случае положи-

тельного решения вопроса – оплатите выданную квитанцию... и тогда милости просим, голубчик. Тогда-то и посмотрим, что тут можно еще поделывать... Залечить ваш зуб, или само пройдет.

Пришлось. Поплутав по лабиринтам коридоров для получения нужной бумаги, Никита вновь шагал в поликлинику. Скорее в нищете, чем на щите, ведь страховая компания под благовидным предлогом изъяла последние средства, в обмен, правда, выдав на руки любопытнейший экземпляр договора, предоставив тем самым некоторые мутные гарантии. А деньги, что такое деньги, когда их вечно, как пыль пылесосом сметает... И никогда не покидает ощущение, что кто-то их одной рукой дает – так, подержать, – зная, что скоро возьмет свое назад, забирая второй рукой еще и с прибытком. Хитро придуманы деньги – воистину предмет отдельного исследования... Или расследования?

В регистратуре, ознакомившись с дополненной кипой бумаг, дали добро на посещение поликлиники, хотя и не преминули попенять молодому гражданину за рассеянность, расхлябанность и непонимание текущего момента. В окне регистратуры, на окраине поля зрения, вполне можно было рассмотреть солидную подшивку журнала «Ритуальные услуги». Случайность? Преодолев целую хитроверть препятствий из металлоискателей, электронных охранников, лазерно-лучевых установок и сканеров, Никита в итоге выбрался из фойе клинического театра абсурда и дорвался до дешевого лифта, ведущего только наверх. В лифте было пустынно и прохладно, как в осеннем тамбуре. Кто-то из прежних посетителей нацарапал на двери: «Vegi otsuda!». На третьем этаже, где и нужно было делать высадку, висело табло с мигающей стрелочкой и пояснительным «Tuda». Весь этаж занимал искомый кабинет 377 (Z) и какие-то подспудные помещения. Где-то здесь и вершил практику зубной гений. В рекреации на скамейке заседало всего лишь четыре с половиной персоны, ожидая своей очереди, словно участи. Девушка, ждавшая ребенка, была последней до того момента пока не явился-не запылился Никита, ставший очередным последним.

Над дверью, откуда то и дело доносился подозрительный скрежет и душераздирающие вопли, свисала особая лампа, повторяющая форму зуба с корнями. Когда та начинала беспокойно подмигивать, сигнализируя, что следующий может спокойно входить в пасть кабинета, тогда следующий, топчась на пороге неизвестности и отчаянно оглядываясь как бы на прощание, исчезал за дверью...

Несколько настораживал тот факт, что внутрь кабинета ушло уже три пациента, но никто так и не вернулся назад, хотя их крики и мольбы о пощаде раздавались по графику, синхронно работе аппаратуры, но вскорости заметно ослабевали, пока не гасли вовсе. В душе теплилась робкая надежда, что у кабинета есть черный ход, откуда процедурники по завершении лечения благополучно выдворяются из зубодробительного кабинета. Девушка, ждавшая ребенка, видимо, также уловив некую системность в странности событий, сообщила, что отлучится на пятиминутку, но не вернулась и через десять, что внесло дополнительную тревожность в затхлую атмосферу рекреации. Неудивительно, ведь стоявший у окна фикус при ближайшем рассмотрении оказался искусственным, хотя и искусно выполненным под настоящее растение. Некогда стало размышлять над этим бутафорским фикусом, когда отчаянно заморгала лампа-зуб почти в такт учатившемуся сердцебиению, и Никита понял, что пропал, что пора...

Во внутренностях кабинета даже и не пахло медициной. Он представлял собой одновременно широкую, длинную и высокую комнату, ярко освещенную у входа, умеренно светлую посреди, и совсем уж темную, мрачную и зашторенную в концовке, словом, совершенно не гиппократовским предстал кабинет – ни по духу, ни по планировке. Вошедших вперед Никиты видно не было. Видать, куда-то уже ушли. Но как тут можно уйти незамеченным, когда кроме зашторенного окна, кушетки и боковой холодильной камеры ничего больше не предвидится? Никаких следов и намеков на зуболечебные аппаратуры, зато чемоданчик с инструментами на виду... Не очень порадовало и то, что дверь за спиной странно щелкнула и закупорилась. Должно быть, здесь какая-то ошибка...

Из темноты между тем явственно проступал и наступал крупногабаритный силуэт крепко сбитого мужичонки, натягивающего резиновые перчатки и засучивающего рукава. Пойдите, врач – мужчина, да много ли зрелых мужчин в районных поликлиниках трудится? А этот еще такой видный жук, пышноусый. И с чего-то полностью в штатских одеждах, в черном балахоне и клетчатых шортах, со смутно знакомым лицом... Не мужчина, а демон, ей-богу. Что тут за дьяволиада, а!? Какие-то эксперименты над личностью? Варварские опыты над психикой? Поиски пределов болевого порога? Да здесь скорее лишают жизнью, чем отработанных зубов... Что он несет? Какие-то послания из лучших миров, какие отголоски задумчивых вечеров? Кабинет вдруг наполнился хихиканием и смешками. Мужик в черном балахоне, воспользовавшись заминкой, внезапно оказался подле Никиты и нанес чувствительный выпад под ребра...

Разув глаза, Никита распознал себя в аудитории универа. На него, улыбаясь, главели и зырили одноклассники. Такая-то девушка, которую он в начале истории водил в кафешку, вновь сидела рядом и шепнула на ухо, что тот совсем обалдел и, засопев, почти давал храпака, а преподаватель, будучи крайне чуткой личностью, обратил на эдакую оказию пристальное внимание и, апеллируя к студенчеству, собственноручно разбудил тычком. Теперь, понятно, на экзамене пятерки не будет. Ну и ладно. Ну и не надо было. Зато прояснилось, что преподаватель курса оказался тем самым пресловутым мужиком в черном одеянии, хотя клетчатые шорты оказались штанинами, а физиономия в субъективной реальности сделалась существенно человечней и земнее.

Тот и дальше толкал слово о снах и втолковывал, что сны – это превосходно, когда забываемо, а когда забывается, то бестолково. Подумалось: так вот и дал бы спокойно практиковать сновидения сонливому от сложной судьбы студенту! Давно пора бы внести в учебную палату перспективную инициативу – оборудовать в универах спальные комнаты отдыха по образцу детсадовских проектов. Да и чего, право, бесплодно теоретизировать, облекать всякую аксиому в форму загадки, когда в любом деле практика потребна, практика приоритетна, практика прекрасна – да дайте же наконец-то поспать! Когда ночная бессонница, в которой очевидно гнездится слово «бес», аукалась устойчивой дневной сонливостью. Ей-богу, миром правят не масоны или деньги, а жаворонки, подмявшие весь жизненный ритм и темп под свои ранние потребности. Даже и не зевнуть в охотку, когда кругом бодрые ротозеи и свидетели жаворонка. А... ладно... Никита вновь стал клевать носом, все ниже склоняясь к парте, покуда не провалился в нее с головой.

Проснувшись уже в кофейне, с ощущением вяжущей тяжести в локтях и значительных неудобствах в шее. В кофейне было полно мужчин, распивающих пиво с димедролом, кричащих кричалки, потому что смотревших футбол, тем самым как бы подбадривающих своих обогащенных кумиров. Сложно сказать в чем заключался концепт заведения: то ли это была пивная с интерьером под кофейню, в которой кофе, в принципе, по осторожной просьбе заказчика тоже сварить умеют. Либо все-таки кофейня, где пиво всем изначальным замыслам назло все-таки победило и делает основную кассу. Причудливый коктейль запахов и культур застыл в воздухе. Различных, как пиво и кофе, как юго-север и западо-восток. Никита, как и все, наблюдал телевизор, где транслировали последние приготовления к серии пенальти.

Наши били как-то нарочито неуклюже: даже не наотмашь, а наугад, и в результате два раза попали в штангу, дважды угодили в перекладину, а решающий удар и вовсе пришелся в крестовину ворот, но... победили. В следующий раунд турнира неожиданно, вопреки прогнозам и логике, прошли именно отечественные мастера мяча, так как команда соперников, а то была сборная команда Ямайки и Исландии, была еще размашистей – просто ни в какие ворота не лезло. И в рамках ворот-то умудрились не попасть ни разу, какие там голы? А потому, невзирая на то обстоятельство, что мяч так и не пересек ленточку ворот, судьи, посоветовавшись, присудили сенсационную победу отечественным спортсменам. Не помнящие себя от счастья

посетители кофейни, спешно допивая пиво и требуя шампанского, наперебой просили счета. И, ликуя как победители, с шутками и прибаутками вываливались в уличные просторы.

В пивной кофейне сразу стало заметно просторнее и отчего-то даже светлее. На аккуратных стенах Никита заметил сразу несколько картин кисти Брюса Ли. Впрочем, Брюса ли Ли? Вспоминалось, что Брюс вроде бы и не был художником как таковым, а скорее был чем-то занят в кинематографе... в качестве художника по костюмам, что ли? За соседним столиком заговорили голоса. Никита боковым зрением засек несколько лиц, заподозрив в них что-то знакомое, но кто такие, так и не вспомнил. Во главе стола сидел зрелый мужчина в самом соку, неспешно потягивающий сквозь солонку прозрачный сок. По бокам сидели назревающие юноши, совсем еще безбородые, но уже допивавшие пиво. Какой-то нескладный диалог происходил у них там:

Один из юношей: Я тут позырил по ТВ «Войну и мир». Вроде классика, а не особо интересно, старье... Прошлый век: никаких спецэффектов и экшна, слишком перетянута. Там еще этот, как его... Штирлиц снимался...

Зрелый мужчина в самом соку: Вячеслав Тихонов, а не Штирлиц. Ты говоришь о классической постановке признанного мастера Сергея Бондарчука. Фильм знаковый, однако, справедливости ради, не идет ни в какое сравнение с романом. Чтобы вкусить всю художественную глубину произведения, оценить тщательность разработки характеров, мотивы нравственных метаний и тончайшие дуновения помыслов, благородство и коварство натур, величие панорамных сцен и баталий – нужно все-таки книгу читать. Фильма маловато будет, юноша.

Один из юношей: А че... еще и книга бывает? Не знал. По мотивам фильма, что ль? Прикол... Подсуетились коммуняки!

Второй из юношей: Я вот точно знаю, что «Война миров» с Томом Крузом тоже по какой-то книге снята. Смотрели? Ништяк-фильмец. Спецэффекты на уровне, да и смысл глубокий есть. Только концовка странная, могли бы и покруче завернуть. Так что «Война и мир», наверно, тоже по книге. Сидит, видать, какой-нибудь шабашник и выдумывает: «Война и мир», «Война миров», так что ждем третьей части...

Никита расплатился по счетам и вышел на улицу. Улица, еще недавно такая шумная и разговорчивая, сейчас предстала совершенно пустынной и безмолвной – ни души. Что за фокусы? Вдруг со стены дома забасил громкоговоритель. Речь шла о налете фашистских бомбардировщиков и необходимости срочно проследовать в убежище. Никита замешкался, будучи не в силах понять, что происходит, что за напасть, наваждение. В высоте воздуха уже раздался характерный свист и вой, слышанный в многочисленных фильмах о бесконечных войнах и коротких перемириях. Никита ринулся было обратно в кофейню, дабы прояснить какой нынче год и что за дела, но тут из-за невесть откуда взявшегося бутафорского фикуса выскочил редкостный режиссер и принялся причитать про «кто выпустил этого козла на съемочную площадку?». Охранные мордобивы уже бежали исправлять ошибку...

Выяснилось, понятно, что улицу перекрыли на некоторое количество часов в рамках съемок кинофильма про блокаду. Современные люди, тыкающие пальцами из закрытых окон домов и что-то оживленно обсуждающие, подтверждали эту догадку. Некоторые творческие личности, получив от государства добротный грант на культурные дела, полным ходом осваивали средства, снимая ничто – пустую улицу. Иначе говоря, как бы пытались воссоздать атмосферу тихого ужаса, передать художественными приемами и удачными ракурсами запустение и упадок. Оголив свой нерв до крайности – отправить послание потомкам. И тут в кадр, понимаешь, втесался какой-то идейно-чуждый элемент из 21-го столетия... Этого оказалось достаточно, чтобы разгневанный режиссер почувствовал себя вправе нанести Никите подленький удар точнехонько в больной зуб, который снова заныл.

Сон размяк, утратив всяческую претензию на гармонию, и Никита проснулся обратно. До окончания пары оставалось пару минут, а значит, вполне уже можно было собирать свои линейки и ластик в пенал. Преподаватель вещал о значении снов в срезе раскрытия образа

Андрея Болконского из романа «Война и мир». Что послужило толчком к размышлению о только что пережитом во сне. И все-таки: почему сновидения извечно заканчиваются столь своевременно? Когда грозит опасность, хлоп – и проснулся. А если гуляешь по покато́й крыше и вдруг соскальзываешь с нее, и нет никаких надежд на зацепку, то вместо того, чтобы умереть – вздрагиваешь, просыпаешься. Не распространяется ли это правило и на так называемую объективную реальность? Может то, что мы именуем смертью, есть всего лишь пробуждение? Затертая до дыр гипотеза, разумеется, но как тут не вспомнить тот мамин голос из детства: «Порааааа просыпааааааться, вставааааай», ведь он абсолютно искренен, исполнен самых добрых и нежных чувств, – «давааай, вставаааааай». А так не хочется выползть из своей темноты поначалу. Но там, где свет, уже ждет оmlет и пробуждающий кофе с молоком.

А может сонливость, если посмотреть иначе, не такое уж бесполезное качество? А только всегдашняя готовность к погружению в другую реальность. Может лишь напоминка о бренности бытия? Лишь пребывание на стыке двух состояний? Кто трактовал сонливость как готовность в любую минуту раствориться во снах? А может и тело – это только лишь устройство для восприятия снов? Эдакий скафандр, изнашивающийся со временем снов скафандр, делающий возможным нахождение в коллективном материальном сне... Проклятый зуб – лечить его надо, чего там... Вот уж вопрос, так вопрос!..

Своевременно окончил мыслить Никита, ведь раздался звонок, и все вокруг пришло в движение из аудитории.

С.О.Н.М.

Пословица неспроста молвится

«Ктооо такииие? Откуууда вылезли, поганцы?» – насупился в задумчивости мажор полиции Муслим Михайлович Майоров. – А ведь, поди, не бедствуют, не голодают... Ну что за молодежь такая паршивая пошла, а?.. Лишь бы государству насолить. Да еще как-нибудь подленько, исподтишка. Ну основная-то часть молодежи у нас, слава богу, дальновидно пристроена по тюрьмам, подсажена на алкоголь, завязана на наркотики и прочие приемчики государственной безопасности, но нет... все равно ведь время от времени какие-нибудь герои у нас объявятся... активисты всякие, патриоты, мать их... Эти-то кто? С.О.Н.М. какой-то... Откуда такие завелись в подведомственном районе? Уже и влетело нам за них крепко, а сколько еще успеют вреда причинить, пока не прищучим? Или не подыщем каких-нибудь подходящих... Ладно... будем искать, вычислять... дело возбуждать, если придется. Ниче... и до вас доберемся, паршивцы!..» – окончил мыслить Майоров и заторопился к своему счастливому семейству в уют быта.

* * *

Веяние времени – все мнение имеют. Спешат его донести, не расплескав, выразить веско, стремясь заронить в рассудки собеседников. Всяк мнение имеет, как некогда честь имели. Совсем не факт, что это мнение по справедливому обустройству общества, или заморочным философским загвоздкам, но уж по принципам правильной парковки, или подавляющем превосходстве одного музыкального ансамбля над другим – мнение припасено наверняка. Возможно, так было всегда, кто знает... Но ныне особенно, ведь еще интернет. При предыдущих государственных настройках с подобным обилием мнений было построже: колебались вместе с линией партии – пока не заколебались. Но было и проще решаться: как Партия решит верным, так оно и будет. Точка. Но Партия крикнула, все вздрогнули. Толпа растерянно разбрелась по сторонам и странам. И принялась со страшной силой не понимать друг друга на разных языках. Это ничего, это Вавилон. Строили, строили башню Коммунизма, а построили все равно Пизанскую, даже лучше, ведь рухнуло то как – весь мир смотрел и стоял-боялся.

Зато сегодня сделалось возможным категорически все, особенно, если за это хорошенько приплатить. Гони твердую предоплату – и утром тебе будет носить в постель завтрак причудливый карлик в вельветовых шортиках и веселой панамке. Или же беспрецедентная красавица из модельного агентства в костюме Евы – вопрос вкуса. А о вкусах не спорят. То есть как, не спорят? Если напротив, если вдуматься, если что и делают, то спорят о вкусах и со вкусом спорят. И что?

Что с того, в эпоху, когда еще доминировал основной генератор информационно-развлекательного манипулирования сознанием: терминатор или, как еще говорят – телевизор. Тогда, когда бывшие монстры – печатные газеты, сарафанное радио, упорные слухи – вдруг заговорили с опаской и оглядкой на телевизор, черпая вдохновение оттуда. Телевизор же, став монополистом, абсолютным монархом, сам не заметил, как утратил чувство реальности и достоверности: сошел с ума, спятил. Принялся поднимать из общественной и личной жизни все самое низкое и мерзкое, какое только бывает в человеческой природе. В природе с самого утра выливая и вываливая на экраны ожесточенные женские бои без правил в грязи, калейдоскопы криминального гороскопа, беспочвенные прогнозы валют и погод. И так до полуночи, а там, до следующего утра – еще большая порнуха. Так уж дошло и до того, что самым честным и умным из показываемого в телевизоре стала профилактика.

Телевизор же настолько уверовал в свою незаменимость и независимость, так возгордился, что и сам не заметил, как стал притесняем молодой и дерзкой сущностью – интернетом, год от года ускорявшимся, чтобы победить. Потому что телевизор как принцип есть односторонняя модель передачи данных, внутри которой какой-то умник за всех решает, что интересно, важно, можно и модно, что есть, а чего нет, в итоге слабо озираясь на запросы и потребности общества. Так телевизор, словно кривое зеркало, сам формирует образы и интересы, непрестанно их искажая, понижая, без устали прибегая к гуттаперчевым ток-шоу с применением звезд и популярных лицедеев... Иногда пробуя создавать выпуклый эффект присутствия простого человека, клонируя театральные судебные разборы и мелодраматичные викторины за деньги. Вместо того чтобы исправно делать свое зеркальное дело – отражать. И только в интернете рядовой и порядочный гражданин обрел свободу выбора, слова, действия: настроек совести, закладок интересов, фильтров содержания. Привет, интернет-пакет!

* * *

Выдержки из электронной стенгазеты «Приметы интернета»:

«Интернет-среда, или виртуал – есть проекция реальности, или реала на реальность, или снова реал. В некотором роде – электронное переосмысление и постосмысление реальности, но все же прямое следствие и последствие исходника».

«Функции виртуала безграничны – это и добыча песчинок ценной информации с заброшенных пляжей познания, где приятно реализована коммуникативная функция кабинок общения и сообщения. Собирайся больше трех, общайся с себе подобными оригиналами, доказывай невежественным иностранцам глубины и степени ихнего заблуждения про нас, исповедуйся в блоге, красуйся в социальных сетях, участвуй в сетевой конференции ценителей толковых словарей. Ограничение только одно. Но сокрыто оно не во внутренностях интернета, а в самих головах, подключенных к компа, в которых зачастую возникает кризис фантазии и абстрактной памяти».

«...еще не так давно доступ в интернет осуществлялся преимущественно по карточно-талонной схеме, а оттого аудитория была малочисленна и инертна. Карточка на сто рублей давала лишь пяток скоротечных часов виртуала, когда глаза разбегались от навалившихся возможностей и маршрутов, а все так медленно подгружалось. Время все время висло и кисло, а потому быстро развивалось до состояния окончания. Что было можно сделать в отпущенные пять часов пользования? Скачать небольшой видеоролик. Посмотреть картинки с кумирами. Найти сканы вырезок из старого, давно утерянного журнала... Теперь интернет почти бесплатен и быстр, как молния, освещающая пейзажи познания в темени телевизионного тупика...»

«...Широкое распространение снискала практика комментирования всего на свете. Комментарии – прекрасная возможность и удобный случай к выражению своего драгоценного мнения по поводу содержания или качества явлений и процессов, имеющих хождение в реале, и что немаловажно – все

это, в известных пределах, беспоследственно, учитывая условно-анонимную природу и структуру виртуала...».

Пользователь Nick&ta

* * *

Как знать, быть может, именно в ту бурную ночь и высеклась искра занимательной идеи в Никитином шалаше. Времени поразмышлять о все нарастающем взаимопроникновении и взаимодействии реала и виртуала как раз выдалось в избытке. Ведь виртуал как среда, по сути, есть оцифрованный реал, спрессованный по кубикам рубрик и интересов, но играющий в реальных судьбинах все более и более серьезную роль. Иные, придя домой, первым делом бегут включать интернет, а уже только потом выключать с себя ботинки и нательные ткани, пошитые заботливой бангладешской или китайской рукой специально для посещения уличных коридоров. Соседей по лестничной площадке уже не везде знают в лицо, а общаться с ними и вовсе случается редко. Когда вдруг пожар. Или какая другая напасть. Зато в интернете завсегда полно единомышленников и квази-идейных антиподов, с которыми можно безопасно переругиваться до скончания аргументов, или подступа глубокого утра. Предметом обсуждений становится все, но по преимуществу это всякие актуальные происшествия: вспыхнувший костер скандала с участием поп-звезды, раздуваемый ветром средств массовой дезинформации; очередной чиновник не только проворовался, но еще и попался; хоккеист проигрался в хоккей и выпустил сборник харизматичных хокку. И чем больше тем, тем больше мнений.

Однако же все это родом из реала. Именно реал – катализатор и место осуществления обсуждаемых и осуждаемых событий, а виртуал – только универсальная платформа с уютным интерфейсом, служащая потребностям общения, потому как в реале зачастую некогда и неуместно обсуждать очевидное и вполне вероятное. А там, в виртуалах, кто-то просто затрагивает тему, а вокруг нее вырастают гнезда комментариев, даже целые деревья, где всякий спешит вернуть свое мнение, повергнув оппонента, обращая того в свою веру, или просто являя публике свой необыкновенно обширный ум... А что если... если оставлять комментарии и записи непосредственно в реале? То есть подорожал бензин всюду, а ты им тут же в отместку публикуешь – «я плачу налоги, где дороги?» Напрямую же не спросишь, у нас как-то неприятно. И где отписываешь? А где придется, придумается, реальность, чего уж, ограничена как горизонтом, так и кругозором, но места, благо, много: всяких построек, пристроек, новостроек хватает. Дело, конечно, новое, неосвоенное, подразумевающее телодвижения, сопряженные с определенным риском, да и блюстители чистоты и правопорядка едва ли оценят. Зато аудитория в теории – реально неисчислима. В интернете миллионы форумов, чатов, сообществ – и в жизнь не доберешься даже до малой части из них... А вот реал представляется эдаким общением, территорией общего пользования, суетливой кухней, где обитают все те же пресловутые носители никнеймов, обладатели паролей и прочие тараканы...

* * *

Из подобных размышлений и возник Стеносоюз Обнародования Нормальной Морали, аббревиатурно – С.О.Н.М. Название – почти первое, что взбрело в голову, но сейчас важно лишь то, что взбрело именно это. В союз вступили три товарища – Никитос, Димас и Денис. Несколько позже к ним примкнула и девушка Лариса, прекрасно сыгравшая роль в становлении движа. А больше никого... Давно замечено, что чем меньше численность и проще структура, тем меньше возникает всякого рода недоразумений и нестыковок – согласованней как-то процессы идут. И никаких тебе вождей, теневого лидеров, связей с общественностью. Сама

деятельность – прямая связь с общественностью. Итак, С.О.Н.М. решили заняться следующим промыслом – оставлять комментарии и записи в объективной реальности. Конечно, в городе уже существовало немало охотников до того, чтобы наследить, оставив на скальную живопись: это и ребята, занимающиеся граффити, но они, как известно, больше балдеют по визуальным эффектам и трюкам; это и лица, оставляющие политические лозунги вдоль железнодорожных путей из серии «Сталин – Гагарин политики»; это и обычные любители написать на заборе трехбуквенную грамоту, но последние совсем уж бессмысленны и беспощадны. Короче, в этом аспекте никто ни с кем не пересекается. У всех свои задачи, цели и идеалы.

Вскоре ребята закупились баллонами с красивой красной краской – по дешевке, через интернет-ларек, с бесплатной доставкой на дом дружелюбным и понимающим курьером. Квартира Димаса отныне стала не просто квартирой, но еще и штаб-квартирой. Жаль, характер деятельности не предполагал повешения солидной золотистой таблички на входе, а то бы смотрелось. В любом деле самое сложное – начать, с чего начать, как бы начать, ведь даже самое похвальное и всеми одобренное начинание порой глохнет на стадии первого же шага. А тут уж и вовсе – одобрения и похвалы ждать не приходилось. Ребята много спорили о том, в каком же ключе ваять посты и сообщения. В результате чего всю концепцию все равно придумала Лариса. Творить решили через день на третий, да как пойдет, но непременно под покровительством ночи, в часы, когда муза посещает наиболее настойчиво и вкрадчиво, то есть всегда подсказывает, что написать, даже если забылись все домашние заготовки.

В один из темнеющих вечеров той осенней поры на стенах зданий и заборов стали появляться старинные надписи с подписью. Так на строительно-бетонном заборе, закрывающем давно застывший в своем построении дом возле метро, появилась надпись, ставшая впоследствии девизом: «ПОСЛОВИЦА НЕСПРОСТА МОЛВИТСЯ. С.О.Н.М.». И в том же квартале, на подходах и подъездах к метро, как бы невзначай заалело предостережение: «ВРЕМЕНА ШАТКИ – БЕРЕГИ ТАПКИ». И уже в глубинах квартала, специально для обитателей отдаленных переулков и закоулков, появилась исполненная оптимизма мораль: «НЕ БУДЕТ ЧУДА – НЕТ ХУДА, А БУДЕТ ЧУДО – НЕ ХУДО». В тот вечер надписей больше не возникло. Но они продолжили появляться в самых неожиданных местах уже вечером следующего календарного дня. На обветренном доме, напротив спортивной площадки с беговой дорожкой, загорелась запись о том, что «БЕЗ УМА ГОЛОВА – НОГАМ ПАГУБА». Напротив фирменного магазина «Золото» с утра кинулась прохожим в глаза напоминалка, что «НА ЗОЛОТЕ СТОИМ, А НАГНУТЬСЯ ЛЕНИМСЯ». На доске объявлений, затерявшейся в окрестностях заброшенного в полузабытости пруда, с каждым годом затягивающегося и мельчающего, выцвела запись «МИР, ЧТО ВОДА: ПОШУМИТ И РАЗОЙДЕТСЯ».

Читатель сего, подобно мажору полиции, может возмущаться до глубины нутра: да что же это такое, полно, как можно? Возможно ли прибегать к столь грязным технологиям в годину цифровой эры, когда наши города и без того уже так нечисты. Грязные улицы, грязные дома, грязные подъезды. Воздух – и тот грязный... Мы и без того словно погрязли в грязи. А чистые беспыльные города так и остались в грезах и утопиях. Так к чему еще и стены чернить? Обвинения частично справедливы и принимаются, действительно, нехорошо, но... У Стеносоюза завалы на сей упрек своя позиция и правда. Ведь даже мажорам полиции известно, что молодости присуща энергия и пафос перемен, изменений, когда перекрасить хочется если не весь мир, то хотя бы и страну, край, микрорайон, словом, среду обитания. Какие возможности в этом смысле были у парочки простых и молодых ребят? Участвовать в политике в условиях отсутствия политики нет возможности. Вступить в молодежную организацию, чтобы пилить какие-то гранты и ходить по выходным с флагом – тошно. Просто пить, есть, спать – удел животных, неотягощенных переменным сознанием. Так какие легальные перспективы участия в общественной жизни имелись у пары-тройки простых и молодых ребят? Когда ни государство, ни общество, ни взрослые дяди и тети из комитетов не имеют ничего предложить, тогда

инициатива берется в свои руки и прет снизу, как трава сквозь асфальт. Да и что тут совестью угрызаться, когда записи и сообщения, оставленные на стенах реала, имеют художественную ценность, проверенную временем и предками данную. А в наших быстроногих реалиях они заново обретали актуальность и свежесть смысла. И это уже не говоря о том, что молодежь обычно воспитанно не задает неудобных вопросов, например, куда деваются деньги, выделенные на благоустройство районов... Так почему бы иногда немного не помочь нерешительным дядям и тетям из комитетов и комиссий, дав подсказку с чего начинать благоустройство?

Выждав пару деньков, С.О.Н.М. вышли на улицы с новой программой. Стена местного отдела Комитета Бедноты, в здание которого вложили денег несравненно больше, чем, собственно, в бедноту, приукрасилось сообщалкой про то, что «БЕДНЫЙ ВЗДОХНЕТ, БОГАТЫЙ ВСХОХОЧЕТ». Во дворе, где жил популярный нарко-барин, о чем знала любая местная собака, не говоря уже об участниках полицейского проекта расположенного в торце дома, нарисовалась констатация: «БЫЛ БЫ ОМУТ, А ЧЕРТИ БУДУТ». Ну а утренние полицейские, спешащие на выслугу, получили возможность поразмышлять над тезисом: «СОБАКА ПОМНИТ, КТО ЕЕ КОРМИТ». Студенческая парковка модного универа, заставленная гордостями немецкого автопрома, покраснела русской пословицей: «СЫТОЕ БРЮХО К УЧЕНИЮ ГЛУХО».

Торговый комплекс «МегаКомплекс» являл собой весь комплекс комплексов отечественного быта и бытия. Сей желтовато-стеклянный исполин, смотревшийся среди покосившихся хрущевок, как приземленный инопланетный корабль, увешанный плакатами о суперакциях и необыкновенной выгодности в предложениях с едва заметными звездочками над слоганами и сносками, которые возможно прочесть только припав к биноклю, облагородился древней купеческой мудростью: «ТОРГУЙ ПРАВДОЙ, БОЛЬШЕ БАРЫША БУДЕТ». Тогда как через пару троп и дорог расположенный эпицентр одежд и мехов, куда полюбили наведываться местные чинуши, живущие явно не по средствам и страшно далекие от народов мира, тоже обогатился памяткой о том, что «К КАФТАНУ СОВЕСТИ НЕ ПРИШЬЕШЬ». Наутро Никита по дороге к работе с удовольствием отметил под надписью у торгового комплекса комментарий-приписку: «Вор ворует, а мир горюет». Впрочем, на вечер чистильщики уже закрасили все как было, как бы наведя порядок, этим только подтверждая, что Правда у нас по-прежнему довольно гонима и всячески не нужна.

Первый коммент воодушевил. Уличные публикации народной мудрости нашли своего читателя. А, впрочем, в этом сомнений и не было изначально. Теперь Лариса создавала в интернете представительства С. О.Н.М., где научно-популярно обосновывала политику фирмы, заключающуюся в том, что русский народ уже все сказал. Сделав это через пословицы и поговорки, прибаутки и присказки, сказки и приметы. И плох тот народ, который все это так бездарно подзабыл. И вся эта кладезь есть мудрость, которую могут временно стереть с лица стены дети мигрантских чернорабочих, но уже не стерли века. И пусть закроют свои варежки те, кто осуждают обнародование поговорок и пословиц. Они были! и будут быть! Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас! Такова официальная философия Стеносоюза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.